ПАМЯТИ

ОТЦА АЛЕКСАНДРА

ЕЛЬЧАНИНОВА

YMCA-PRESS

ПАМЯТИ

ОТЦА АЛЕКСАНДРА

ЕЛЬЧАНИНОВА

1935

ПАРИЖЪ

ПАМЯТИ

ОТЦА АЛЕКСАНДРА

ЕЛЬЧАНИНОВА

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

YMCA-PRESS, 1977.

«Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе, и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ».

(Евр. 13, 7)

СЛОВО МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ

Тяжкими судьбами испытываетъ Господь наши слабыя духовныя силы, великое горе переживаетъ наша церковь — утрату свѣтлаго добраго пастыря, отца Александра Ельчанинова. И какую утрату, — трудно замѣнимую. Его уходъ, — страшная потеря не для его семьи только, даже не для нашего прихода — она болѣзненно отзовется на всей зарубежной русской церкви. Невыразимо горе его осиротѣвшей семьи, но она не одна горячо оплакиваетъ незабвеннаго отца Александра. Не менѣе тяжела эта утрата и для его духовной семьи, для его духовныхъ дѣтей, для всѣхъ, кого онъ окормлялъ своимъ пастырскимъ водительствомъ. Горько плачетъ о немъ ниццкій приходъ, гдѣ его выдающаяся обаятельная патырская личность успѣла развиться во всей красотѣ и привлекательности. Глубоко сожалѣютъ о немъ и остро ощущаютъ утрату его и наши парижскіе прихожане, которые за самый короткій срокъ его здѣсь пребыванія успѣли разглядѣть и полюбить всей душой кроткій образъ этого добраго пастыря, молитвеннаго и просвѣщеннаго, смиреннаго, чуткаго и отзывчиваго. Заплачутъ о немъ и русскія дѣти, наша молодежь, для которыхъ онъ былъ ностоящимъ отцомъ, отдавая имъ свое сердце. Они раскрывались ему навстрѣчу, какъ поворачиваются цвѣты къ весеннему ясному солнышку, — а онъ, какъ это солнышко, согрѣвалъ, оживлялъ ихъ, наполнялъ теплотою своей любви. Какъ это трогательно, какъ высоко! Развѣ Христосъ не былъ другомъ

дѣтей? Развѣ онъ не обнималъ ихъ своей лаской и любовью?

Мнѣ кажется, что этотъ методъ дѣтскаго воспитанія о. Александръ прилагалъ и къ пастырскому попеченію о душахъ взрослыхъ. Для него они были такъ же духовныя «дѣти», и онъ умѣлъ ихъ дѣлать дѣтьми Божьими. «Если не будете какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Божіе». Онъ умѣлъ сокрушать человѣческую гордыню, — самъ смиренный и кроткій, другихъ училъ смиренію.

И вотъ его цѣнная, плодотворная пастырская дѣятельность прерывается рукой смерти въ самомъ своемъ расцвѣтѣ, когда она, казалось, такъ была нужна, такъ полезна нашей паствѣ, нашей церкви. Зачѣмъ? Почему? Кто можетъ отвѣтить на эти вопросы? Только вѣра христіанская проливаетъ сюда свой спасительный свѣтъ. Пастырское служеніе совершается въ иномъ планѣ, чѣмъ всякое другое служеніе на землѣ. Одной своей стороной оно принадлежитъ землѣ, а другой уходитъ въ небо, въ вѣчность. Окормляя чадъ духовныхъ въ условіяхъ здѣшней жизни ихъ, пастырь одновременно является строителемъ, совершителемъ великихъ тайнъ Божіихъ, предстоитъ своему небесному Пастыреначальнику, совершая передъ нимъ таинственное благодатное служеніе по чину Мельхиседекову вѣчно. Поэтому оно не можетъ быть прервано или прекращено физической смертью, оно продолжается непрерывно и тамъ за гробомъ, въ иныхъ условіяхъ, въ иной обстановкѣ. И тамъ нашъ добрый пастырь отецъ Александръ продолжаетъ стоять передъ престоломъ Божественнаго Пастыреначальника съ молитвеннымъ ходатайствомъ не только о себѣ, но и о людскихъ грѣхахъ, продолжаетъ пасти свое духовное стадо и нести пастырское попеченіе о своихъ духовныхъ дѣтяхъ. Дерзаемъ вѣрить и надѣяться, что шествуетъ нынѣ въ небесныхъ обителяхъ отецъ Александръ, и что тамъ встрѣтятъ его ангелы Божіи, и прежде всего его Ангелъ-Хранитель, и приведутъ его къ Божественному престолу, и предста-

нетъ онъ передъ Господомъ въ окруженіи своей паствы, и скажетъ Ему: «Се азъ и дѣти, которыхъ Ты далъ мнѣ, и которыхъ я велъ и привелъ къ Тебѣ».

Вѣруемъ, что Господь похвалитъ своего вѣрнаго раба, ревностнаго пастыря-труженика, и, по его предстательству, явитъ милость и его духовнымъ дѣтямъ. Въ этомъ созерцаніи почерпнемъ себѣ христіанское утѣшеніе въ нашемъ горѣ, въ тяжкой разлукѣ съ нашимъ дорогимъ почившимъ пастыремъ. А за его молитвы и поученія, за всѣ его болѣзни и труды, за всю любовь его чистой души да будетъ ему отъ насъ свѣтлая, благодарная, молитвенная память.

И поэтому особенно горячо привѣтствую появленіе воспоминаній объ отцѣ Александрѣ. Такой яркій, свѣтлый и своеобразный образъ русскаго пастыря, какимъ онъ былъ, не долженъ быть забытъ, — нужно, чтобы свѣтъ его личности свѣтился для всѣхъ, чтобы видѣли его добрыя дѣла и прославляли Отца нашего небеснаго (Мѳ. 5, 16).

Угасъ чистый свѣтильникъ тихаго свѣта Христова, — и очень, очень многимъ безъ него стало холоднѣе, темнѣе и сиротливѣе. Да будетъ эта книжка хоть нѣкоторымъ малымъ утѣшеніемъ намъ и нашимъ дѣтямъ въ этомъ сиротствѣ.

Митрополитъ *ЕВЛОГІЙ*

11 февраля 1935 г.

СЛОВО О. СЕРГІЯ БУЛГАКОВА

(Сказанное на отпѣваніи тѣла о. Александра Ельчанинова 27-го августа 1934 г.)

«Да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ Нимъ же да слезитъ око мое. О, аще могъ бы человѣкъ состязаться съ Богомъ яко сынъ человѣческій съ ближнимъ своимъ» (Іовъ, 16, 20-1).

Вопль Іова на одрѣ болѣзненномъ, исторгается изъ сердца передъ этимъ гробомъ. То вопль человѣческаго сердца передъ гробомъ дорогого человѣка, надъ которымъ совершилась судьбина Божія. Не отъ злобы людей и не отъ коварства враговъ, но тяжкимъ недугомъ вырванъ онъ изъ нашей среды во цвѣтѣ лѣтъ, зрѣлости и мудрости. Смерть, какъ хищный коршунъ, носилась надъ нимъ и человѣческія усилія безсильны были ее отогнать. Безсильны оказались молитвы, возносившіяся о немъ столь многими его любящими, безсильна пламенная любовь самоотверженнаго ухода, безсильна наука и врачебное искусство. Смерть иногда какъ бы отходила отъ него, но затѣмъ снова приближалась, пока, наконецъ, съ неумолимостью не похитила свою жертву. Отяготѣла на немъ десница Господня, и — что можетъ человѣкъ противъ воли Божіей. Неисповѣдимы судьбины Божіи, ибо видимъ мы свершеніе ихъ лишь ограниченно изъ этого міра и настоящаго времени, не прозирая цѣлаго. Но когда

совершаются онѣ, человѣку остается либо подчиниться имъ въ безсиліи, рабской покорности и страхѣ, или же онъ можетъ, — и долженъ, — склониться предъ ними, какъ предъ волей любящаго Отца Небеснаго, воля Котораго есть любовь. Непостижимы пути этой любви, но отъ насъ она требуетъ, именно въ непостижимости своей, подвига вѣры, которая есть «невидимыхъ извѣщеніе». Страшное и непонятное въ жизни должно быть принесено къ подножію Креста, на которомъ умеръ позорной смертью Единый Безгрѣшный, Самъ Сынъ Божій. Онъ также молился Отцу: «аще возможно есть, да минуетъ Меня чаша сія», но не была услышана и эта молитва, и Онъ склонился передъ любящимъ приговоромъ Отца: «не Моя, но Твоя воля да будетъ» — и этимъ Сыновнимъ послушаніемъ совершилось спасеніе міра. И намъ нынѣ должно склонить свое сердце въ подвигѣ вѣры по образу Христа Спасителя. И не только намъ, хотя и любящимъ его, но все таки дальнимъ, но и тѣмъ ближнимъ его, которыхъ сердце разсѣчено этой утратой, — разсѣчено на всю жизнь. Человѣку надо искать силу въ сердцѣ, чтобы сказать: да будетъ воля Твоя. Этого требуетъ отъ насъ наша вѣра. И лишь такъ окажемся мы во единомъ духѣ и въ единой вѣрѣ съ предлежащимъ здѣсь любимымъ нами пастыремъ, который такъ вѣрилъ и такъ молился.

30 лѣтъ суждено мнѣ было знать его, и любить его, и любоваться имъ. Издалека, какъ и многіе его друзья, пришелъ онъ къ Церкви, и изъ Аѳинъ шелъ путь его къ Іерусалиму Небесному. Отъ свѣтской образованности пришелъ онъ къ церковному просвѣщенію. Онъ прошелъ высшую свѣтскую школу, учился въ высшей богословской и принадлежалъ къ кругу людей утонченной мысли. Онъ былъ другомъ тѣхъ, кѣмъ русская религіозная мысль можетъ гордиться, учавствуя во всемъ трудѣ и подвигѣ ихъ.

То было роковое, рѣшающее время въ исторіи русскаго народа. Въ русскомъ образованномъ обще-

ствѣ начиналось движеніе къ Церкви, и представители этого движенія, друзья почившаго, вмѣстѣ съ нимъ самимъ, начинали тогда борьбу противъ носителей безбожія. Возникали общества, кружки ревнителей вѣры и христіанской жизни. То было свѣтское пастырство, проповѣдь вѣры въ средѣ одичавшаго въ безбожіи общества, можетъ быть, наиболѣе трудная и отвѣтственная, и ей отдавался онъ, будущій пастырь, ранѣе своего пастырства. Количественно то была горсть противъ большинства, духъ котораго, живущій въ немъ, говоритъ о себѣ: «имя мое легіонъ, ибо насъ много». — И легіону дано было побѣдить, и онъ побѣждаетъ доселѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что происходитъ на нашей Родинѣ, какъ и разсѣяніе наше есть знаменіе побѣды легіона. Во всей этой работѣ собиранія духовныхъ силъ противъ безбожія и равнодушія, извнѣ прикрытаго вѣрой, почившій являлся неизмѣннымъ и незамѣнимымъ труженникомъ и сотрудникомъ, смиреннымъ и преданнымъ исполнителемъ того, что на него возлагалось. Имя его должно быть вписано въ исторію нашего церковнаго просвѣщенія какъ и новѣйшаго движенія христіанской мысли въ Россіи. Этому содѣйствовали и его личныя свойства, особое очарованіе его юности. Когда онъ появлялся, — со своимъ лучистымъ и ласковымъ взглядомъ, — навстрѣчу ему раскрывались сердца и появлялись улыбки. Было у него и тогда уже особое призваніе и даръ быть воспитателемъ и учителемъ дѣтства и юношества. Друзья его знали, какъ неотразимо было это его вліяніе, какъ привязывались къ нему его ученики. Такъ мы жили, пока не разразилась буря, которая разсѣяла насъ въ разныя стороны, и теперь иныхъ уже нѣтъ, иные далеко. Въ эти дальнѣйшіе годы онъ всецѣло отдавался своему изначальному призванію — дѣлу воспитанія. Но и оно прервалось и продолжающійся ураганъ унесъ насъ въ землю разсѣянія. И когда здѣсь, въ разсѣяніи, снова встрѣтились мы 9 лѣтъ тому назадъ, то было ясно, что дѣло воспитанія,

хотя бы и въ высшемъ смыслѣ, уже не могло его всецѣло удовлетворить. Оно должно было быть возведено къ высшему своему основанію, къ Церкви. Душа его жаждала служенія священническаго. И жажда эта была утолена; на него съ любовью простерлась милостивая рука нашего архипастыря, и онъ сталъ священникомъ, во страхѣ Божіемъ предстоящимъ престолу Господню. Это былъ трепетный священникъ, для котораго совершеніе Божественной Евхаристіи было воистину высшей радостью и вдохновеніемъ. И онъ соединилъ со своимъ прежнимъ даромъ и призваніемъ это новое и высшее вдохновеніе, сталъ пастыремъ-воспитателемъ, умѣлымъ и любящимъ руководителемъ душъ. Какъ много душъ плачетъ теперь о немъ, какъ своемъ духовномъ отцѣ. Естественно также, что онъ оказался въ числѣ друзей и духовныхъ руководителей Христіанскаго Движенія Молодежи, которое понесло въ немъ незамѣнимую утрату, потеряло одного изъ немногихъ руководителей своихъ изъ среды пастырства.

На чувствительной пластинкѣ запечатлѣваются образы бытія и, говорятъ, все происходящее въ мірѣ запечатлѣвается въ міровомъ эфирѣ. Но также запечатлѣваются въ сердцахъ и духовные образы. И его духовный образъ, запечатлѣвшійся въ сердцахъ его паствы, живетъ какъ доброе сѣмя для тѣхъ, кто нынѣ молчаливо плачетъ о немъ. Молчаливо, — какъ онъ, — ибо былъ онъ скроменъ, молчаливъ и кротокъ, чуждый исканія успѣха или какой либо позы. И этой прямотой и искренностью сердца былъ онъ доступенъ, особенно открыта была его душа. Въ его образѣ есть нѣчто евангельски-дѣтское, то, о чемъ сказалъ Христосъ: «если не будете какъ дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное», — и онъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, по образу Того, Кто о Себѣ сказалъ эти слова. Въ немъ было подлинное смиреніе и изъ него вытекающее неосужденіе. И мудрость этого смиренія, мудрость кротости давала ему особую власть

надъ душами. Было въ немъ нѣчто и отъ Богородничнаго рода. Этотъ день погребенія его есть предпразднество Ея свѣтлаго праздника, и лучъ отъ лазури Ея честнаго Успенія свѣтится нынѣ надъ этимъ гробомъ... Въ немъ было нѣчто отъ смиренія Пресвятой Богородицы, которая есть живой и совершенный образъ дѣйственнаго смиренія. О Ней умолчано въ лѣтописяхъ исторіи и исключительно мало сказано въ священныхъ книгахъ, но сердцу вѣдома Ея власть надъ душами. Пресв. Богородица рекла преп. Серафиму: «Сей есть нашего рода» и про отца Александра, позволяемъ думать себѣ, можетъ быть сказано то же. Преподобный: говорилъ «стяжи мирный духъ и тысячи около тебя спасутся». Мирный духъ осѣнялъ почившаго, онъ давалъ ему силу незлобиво принимать тѣ тернія жизни, которыя неизбѣжно встрѣчаются на пути каждаго человѣка. Потому такъ трудно разсказать о немъ его лично не знавшимъ, что онъ самъ никогда не выдѣлялся на первыя мѣста, смиренно и тихо оставаясь въ тѣни, какъ бы стараясь быть незамѣтнымъ. И даже изъ міра онъ ушелъ тихо и незамѣтно, словно стараясь собой не обезпокоить. Ибо знаемъ и болѣзненно чувствуемъ, сколь многихъ его друзей и духовныхъ чадъ сейчасъ нѣтъ среди насъ, сердца которыхъ пламенѣютъ молитвой о немъ. Эти сердца открыты Богу, но и ему они зримы, потому что для него теперь нѣтъ земныхъ разстояній и онъ слышитъ ихъ плачъ и молитвы и себѣ. Нынѣ въ послѣдній разъ участвуетъ онъ съ нами въ Божественной Литургіи на землѣ, но «якоже на земли въ церкви служителя того поставилъ еси, такъ и въ небесномъ Твоемъ жертвенникѣ» предстоитъ онъ, «священикъ Твой, Христе, жрецъ и приноситель божественныхъ Таинствъ». Имъ зрится нынѣ то, что зримо было Тайнозрителемъ: «и вотъ великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ и народовъ и языковъ стояло предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ. И воскли-

цали громкимъ голосомъ, говоря: «спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу» (Откр., 8, 9) Нынѣ молится о немъ Церковь: «въ вѣрѣ, и надеждѣ, и любви, и кротости, и чистотѣ, и въ священническомъ достоинствѣ, благочестно почилъ если, приснопамятне. Тѣмъ же Предвѣчный Богъ, Ему же работалъ еси, Самъ вчинитъ духъ твой въ мѣстѣ святѣ и краснѣ, идѣже праведніи упокоеваются, и получиши во Христѣ оставленіе грѣховъ и велію милость».

Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго священника Твоего. Аминь.

Прот. *Сергій Булгаковъ*

ПАМЯТИ О. АЛЕКСАНДРА ЕЛЬЧАНИНОВА

Истинная доброта человѣка должна выражаться въ активномъ, дѣятельномъ отношенiи къ жизни, въ интересѣ къ людямъ, въ активной любви къ нимъ, въ переживанiи вмѣстѣ съ ними ихъ горестей и радостей, въ способности видѣть свои недостатки и мучится ими и, наконецъ, въ такомъ же живомъ отношенiи къ самому себѣ. Именно къ такимъ людямъ принадлежалъ отецъ Александръ. Онъ обладалъ живой душой, не пассивно претерпѣвающей жизнь, а активно и любовно ее воспринима ющей и въ ней участвующей всѣми силами своими. И таково было его отношенiе прежде всего къ самому себѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за своей внутренней жизнью и мучительно переживалъ свои недостатки, подлинные или мнимые. Онъ всегда какъ бы стоялъ передъ судомъ Божiимъ и передъ лицомъ Божiимъ производилъ непрерывную себѣ оцѣнку. Христiанство не было для него по его собственнымъ словамъ, «разсужденiемъ о Божественныхъ предметахъ», а самою жизнью, и прежде всего жизнью внутреннею, духовною.

Основное зло въ человѣческой душѣ о. Александръ видѣлъ въ *гордости*, которую онъ словами св. Аѳанасiя Великаго опредѣляетъ какъ «самовожделѣнiе», какъ предпочитанiе *собственнаго* божественному. Самъ о. Александръ обладалъ глубокимъ смиренiемъ и тѣмъ яснѣе, можетъ быть, предъ нимъ была раскрыта бездна человѣ-

ческой гордыни, какъ основного зла, гнѣздящагося въ душѣ человѣческой.

Сознавая въ себѣ внутреннее зло, о. Александръ всегда носилъ въ себѣ покаянное устроеніе духа. Онъ жаждалъ частой исповѣди, какъ спасительнаго средства внутренняго очищенія и обновленія. Онъ исповѣдовался почти каждый мѣсяцъ, но готовъ былъ бы исповѣдоваться и чаще, если бы не стѣснялся обременять своего духовника.

Присущее о. Александру сознаніе своего недостоинства, смиреніе, кротость содѣйствовали раскрытію въ немъ дара разсужденія, вниманія и любви къ людямъ. Особенно о. Александръ интересовался процессомъ ихъ духовнаго роста и преодолѣнія въ себѣ грѣховныхъ навыковъ. И особенно его интересовали съ этой стороны дѣти и молодежь. Между нимъ и молодежью не было внутренней преграды, онъ жилъ съ нею общей жизнью, близко подходя къ ея внутреннему міру, располагая ее къ простотѣ и искренности, незамѣтно поднимая до своего духовнаго уровня. Какъ законоучитель, онъ считалъ программы дѣломъ третьестепеннымъ. Главное значеніе онъ придавалъ благодатной средѣ церкви и семьи. На второмъ мѣстѣ онъ ставилъ личность законоучителя.

Опредѣляя задачу законоучителя, о. Александръ такъ характеризуетъ ту молодежь, съ которой приходится имѣть дѣло: «Современныя дѣти, особенно мальчики, представляютъ собою трудный матеріалъ для педагогической работы законоучителя. Они разсудочны, рано теряютъ творческую непосредственность, имѣютъ слабо развитое воображеніе, трезвы и практичны, склонны къ скептицизму и насмѣшкѣ. Эстетическое чувство развито у нихъ слабо, какъ и вообще вся область чувствъ, нѣтъ благоговѣнія, чувства тайны, іерархіи. Поэтому большой ошибкой было бы свести уроки Закона Божія къ усвоенію памятью опредѣленнаго матеріала. Надо на первое мѣсто выдвинуть воспитательный моментъ, вовлечь

дѣтей въ область религіозныхъ переживаній, воспитать въ нихъ религіозныя привычки. Часть урока непремѣнно должна посвящаться бесѣдѣ на религіозныя и моральныя темы. Преподаватель, путемъ бесѣды, долженъ быть освѣдомленъ и о домашней молитвѣ ребенка и о томъ, насколько ему удается примѣнять въ жизни тѣ уроки вѣры и поведенія, которые онъ получаетъ въ классѣ. Только такимъ образомъ Законъ Божій перестанетъ быть «учебнымъ предметомъ», а станетъ душевнымъ дѣломъ и жизнью ребенка». Раскрывая подробнѣе задачи и пріемы законоучительства, отецъ Александръ пишетъ: «Съ самаго перваго урока надо добиваться , чтобы молитва передъ урокомъ не была пустой формальностью, а упражненіемъ въ настоящей неспѣшной, внимательной, сердечной молитвѣ. Молитва на урокахъ Закона Божія есть самый важный элементъ всего преподаванія».

Къ обычнымъ молитвамъ отецъ Александръ рекомендуетъ присоединять «новыя, въ зависимости отъ обстоятельствъ, ближайшаго праздника, поста, чьей-нибудь болѣзни, какого-либо радостнаго или печальнаго событія». Изъ приведенныхъ словъ отца Александра видно, что онъ понималъ законоучительство не какъ сообщеніе дѣтямъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ свѣдѣній, а какъ пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ религіозной жизни.

Любя молодежь и живя ея жизнью, отецъ Александръ близко стоялъ къ Студенческому Христіанскому Движенію. Но въ Движеніи онъ видѣлъ нѣчто большее, чѣмъ религіозное объединеніе русской молодежи. «Я все больше цѣню Движеніе», пишетъ онъ, «и не какъ русскую христіанскую молодежь, а какъ собраніе и собираніе всего живого и честнаго въ Церкви, всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ христіанство не какъ традицію, не какъ слова, не какъ бытъ, а какъ жизнь». Поэтому отецъ Александръ всегда съ особеннымъ интересомъ относился къ жизни Движенія, жилъ его радостями и горестями. Онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и любимыхъ участниковъ съѣз-

довъ Движенія. Объ этихъ съѣздахъ онъ отзывался всегда съ большой любовью: «Атмосфера съѣздовъ Движенія, пишетъ онъ, напоминаетъ мнѣ отдаленно тотъ горячій воздухъ тѣсныхъ христіанскихъ общинъ апостольскаго вѣка, въ которомъ дышетъ Духъ Святой и творятся чудеса, безъ которыхъ христіанинъ задыхается и является только тѣнью, только схемой христіанина».

Присутствіе отца Александра на съѣздахъ всегда было радостью и праздникомъ для молодежи. Онъ умѣлъ подойти къ ней просто и сердечно, весело и умно. Его всегда окружала толпа желавшихъ слушать его и говорить съ нимъ. Особенно глубокое впечатлѣніе производили всегда его проповѣди передъ исповѣдью. Такимъ же незамѣнимымъ и любимымъ участникомъ былъ отецъ Александръ и въ лѣтнихъ лагеряхъ молодежи, гдѣ его всегда ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ и встрѣчали съ большой радостью. О самыхъ серьезныхъ и глубокихъ вопросахъ онъ умѣлъ говорить просто, наглядно и увлекательно. Однажды я слышалъ его бесѣду о гордости и тщеславіи, которую онъ велъ съ дѣвочками 14-16 лѣтъ и меня поразило съ какимъ вниманіемъ и интересомъ онѣ слушали его. Однако, при всей простотѣ, доступности и близости о. Александра къ молодежи, онъ не былъ съ нею фамильяренъ: они всегда чувствовали высоту его духовнаго устроенія и сами какъ то духовно подтягивались, тянулись за нимъ.

Многое, высказанное имъ, остается еще скрытымъ въ его письмахъ, дневникахъ и замѣткахъ. И только тогда, когда они будутъ напечатаны, мы узнаемъ, какой накопился въ немъ большой духовный пастырскій и педагогическій опытъ, духовная мудрость, — отъ которой вѣяло духомъ русскаго старчества, яснаго, свѣтлаго, радостнаго, исполненнаго простоты, смиренія, любви и мудрости.

Къ своимъ духовнымъ дѣтямъ онъ относился съ нѣжной любовью и заботливостью, входилъ во всѣ подробности ихъ жизни, предусматривалъ трудности и заботы, предупреждалъ, горевалъ и радовался съ ними, однимъ словомъ,

самымъ тѣснымъ образомъ сживался съ ихъ жизнью и этимъ вызывалъ съ ихъ стороны горячую отвѣтную привязанность, такъ ярко проявившуюся во время его тяжкой болѣзни и послѣ его смерти. Мнѣ хочется еще сказать, что предсмертная продолжительная и тяжкая болѣзнь о. Александра явилась какъ бы его послѣднимъ предсмертнымъ пастырскимъ служеніемъ.

Послѣдніе дни жизни о. Александра были такъ необычайны. Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, извлекъ его изъ его скромнаго ниццкаго пребыванія и высоко поставилъ его на свѣщницѣ главнаго храма нашей Епархіи, какъ бы для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе всей церкви, и здѣсь, на этомъ жертвенникѣ, поразилъ его, какъ новаго Іова, тяжкою, продолжительною болѣзнью.

Нѣтъ большей чести для человѣка, какъ быть участникомъ Креста Господня, какъ вмѣстѣ съ Господомъ понести Крестъ Страданій. И этой чести удостоился о. Александръ.

Въ эти тяжелые дни около него молитвенно и духовно собрались не только знавшіе, но и не знавшіе его лично, объединившись въ одномъ общемъ чувствѣ скорби и состраданія, прося у Бога облегченія его страданій и учась у него терпѣнію, кротости и смиренію. До самаго послѣдняго своего вздоха онъ остался добрымъ пастыремъ. Да будетъ ему вѣчная память у Бога и въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его. Его духовный обликъ не долженъ быть забытъ. Онъ долженъ всегда свѣтить намъ своимъ чистымъ, прекраснымъ свѣтомъ, и освѣщать намъ тотъ путь, которымъ мы должны итти.

Прот. Сергій Четвериковъ.

У ГРОБА ОТЦА АЛЕКСАНДРА

«Не возопіетъ и не возвыситъ голоса своего и не дастъ услышать его на улицахъ. Трости надломленной не переломить и льна курящагося не угасить». (Исаія 91, 2).

Смерть всегда ставитъ передъ нами вопросъ: зачѣмъ? Смерть всегда является намъ, какъ утрата, острота которой опредѣляется близостью къ намъ ушедшаго; всегда человѣческій умъ не находитъ въ себѣ силы примириться съ нею и принимаетъ ее, какъ неоправдываемую неизбѣжность. Но иногда, помимо общаго ощущенія ужаса и трагизма смерти, мы чувствуемъ еще нѣчто другое. Жизнь окончена, — подведена черта. Земной путь человѣческій весь передъ нами, — и мы видимъ какую-то особую внутреннюю логику этого пути, его особую многозначительность и поучительность для насъ. Эти мысли остро переживались у гроба покойнаго отца Александра. Воистину онъ былъ человѣкомъ «большой Судьбы», а «большая Судьба» вовсе не нуждается для своего раскрытія во внѣшнихъ фактахъ біографіи, — она опредѣляется внутренней гармоніей пройденнаго пути, близостью Божьяго замысла о человѣкѣ къ тому, какъ человѣкъ этотъ замыселъ осуществилъ въ жизни.

Для знавшихъ отца Александра не могло быть сомнѣнія въ его причастности «большой Судьбѣ». Онъ былъ представителемъ того культурнѣйшаго и утонченнѣйшаго слоя русскаго общества, которое опредѣлило собою духовный обликъ и мысль блестящаго начала русскаго XX вѣка. Свой жизненный путь отецъ Александръ завершилъ среди насъ, — и смѣю думать, — раскрылъ его въ совершенной полнотѣ христіанской смиренной праведности. Черезъ многіе годы блестящей педагогической дѣятельности, черезъ сложныя переживанія утонченной русской религіозно-философской мысли, черезъ всѣ этапы нашей общей русской трагической судьбы, — подошелъ онъ къ священству, — мудрому, зрячему смиренному и простому. Онъ былъ восемь лѣтъ священникомъ въ Ниццѣ и очень короткое время священникомъ въ Парижѣ, въ Александро-Невскомъ соборѣ.

Если въ Парижѣ его не успѣли еще узнать, то въ Ниццѣ знали хорошо и не ошибались въ немъ. Какія черты были самыми характерными для него? Первое, — это простота, но не изначальная простота человѣка, не знающаго сложности міра, не доросшаго до этой сложности, — а простота зрячая, нашедшая мѣру въ сложности. Мѣра, гармоничность, и внутренняя уравновѣшенность были характерны для него. И это давало ощущеніе мудрости, спокойствія. Есть достоинства, которыя въ полнотѣ своей такъ рѣдко встрѣчаются въ жизни, что производятъ впечатлѣніе какихъ то уклоненій отъ привычной намъ нормы человѣческихъ свойствъ. Такими были у него двѣ черты: незлобивая кротость и совершенно необычное смиреніе. Изъ этихъ чертъ вытекала полная невозможность осуждать другихъ, даже когда ихъ недочеты и поступки объективно казались ясными. И изъ этого же навѣрное вытекала еще другая черта, дѣлавшая его изумительнымъ педагогомъ и другомъ молодежи: у него никогда не было вида поучающаго превосходства‘ — даже когда онъ училъ и давалъ, онъ производилъ впе-

чатлѣніе учащагося и получающаго, всегда какъ бы равнаго съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Это былъ ключъ открывающій молодыя сердца, — къ нему шли, какъ къ равному другу, и только черезъ долгое время соображали, что равенство это, по существу, было видимымъ, потому что онъ давалъ безъ конца отъ своей кроткой и простой мудрости, а друзья его получали, врядъ ли существенно пополняя и безъ того полную и напряженную его духовную жизнь.

Былъ еще одинъ особый даръ у отца Александра, — это даръ исключительно умѣлаго и психологически тонкаго примѣненія святоотеческихъ, аскетическихъ и нравственныхъ ученій и правилъ къ современной искалѣченной и сложной душѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что у него былъ не только даръ духовника, но и даръ старца, нѣкоего духовно-практическаго педагога человѣческихъ душъ. Даръ этотъ опредѣляется двумя свойствами: личнымъ духовнымъ опытомъ и подлинной любовью къ этимъ приближающимся къ нему человѣческимъ душамъ. Свойства эти запечатлѣны въ краткихъ и случайныхъ записяхъ, которыя остались послѣ него и вышли въ печати. Онѣ не только отражаютъ его прекрасную душу, но и имѣютъ подлинную цѣнность для всѣхъ идущихъ духовнымъ путемъ.

Таковы были мысли о почившемъ, такимъ казался подведенный итогъ этой «большой судьбы». Въ гробу, въ золотомъ іерейскомъ облаченіи, съ большимъ мѣднымъ крестомъ въ рукахъ, съ лицомъ спокойнымъ и кроткимъ, запечатлѣннымъ высшей мудростью, лежалъ человѣкъ, сумѣвшій раскрыть себя и осуществить передъ Богомъ и людьми, показавшій намъ какъ путь изъ Аѳинъ можетъ привести и въ наши дни душу къ небесному Іерусалиму.

По человѣчески смерть всегда трагедія и утрата, особенно для семьи, для близкихъ. Но въ этой смерти поми-

мо человѣческаго открывалось и Божеское: полновѣсный плодъ человѣческой праведности и человѣческаго подвига вручался въ руки Творца.

М. М.

ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

(Воспоминанія друга)

Я хочу попытаться какъ могу записать мои воспоминанія объ отцѣ Александрѣ, признаюсь не безъ нѣкотораго смущенія. Вѣроятно сейчасъ въ эмиграціи нѣтъ никого другого, кто бы зналъ его въ тотъ ранній періодъ его жизни, къ которому относится время нашей съ нимъ наибольшей близости. Это какъ бы налагаетъ на меня особую обязанность разсказать о немъ, что я помню. Для меня это прошлое — все еще живая часть моей души, нѣчто отъ меня самого неотдѣлимое, разъ навсегда пріобрѣтенный духовный опытъ, который останется со мной до могилы. Я почувствовалъ это очень сильно три года назадъ въ Ниццѣ, когда послѣ долгаго перерыва снова увидѣлъ отца Александра. Въ его, новой для меня, священнической одеждѣ онъ показался мнѣ совсѣмъ такимъ же, какимъ я зналъ его больше, чѣмъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Наше общее съ нимъ прошлое воскресло на моихъ глазахъ, и было что то почти чудесное въ яркости и непосредственности этого ощущенія. И вотъ несмотря на это, не знаю, сумѣю ли хоть сколько нибудь сдѣлать яснымъ для другихъ его образъ, который живетъ въ моей душѣ.

Встрѣтились мы съ нимъ очень давно, около 1900 года. Я былъ тогда въ третьемъ классѣ второй Тифлисской гимназіи, а онъ, вѣроятно, въ седьмомъ. У насъ въ гимназіи былъ такой обычай, что ученики старшихъ классовъ

на перемѣнахъ по очереди присматривали за младшими. Для большинства изъ старшихъ, это была, я думаю, довольно внѣшняя и, навѣрное, скучноватая обязанность. Мы со своей стороны, конечно, чувствовали это отношеніе старшихъ и особаго вниманія на нихъ не обращали. Единственнымъ и разительнымъ исключеніемъ былъ Саша Ельчаниновъ. Онъ умѣлъ подойти къ намъ какъ никто другой и относились мы къ нему какъ ни къ кому другому. Мнѣ кажется, что за всю свою жизнь я не встрѣчалъ человѣка, который былъ бы въ такой мѣрѣ прирожденнымъ педагогомъ въ самомъ полномъ и подлинномъ значеніи этого слова. Дѣтскій міръ неотразимо влекъ къ себѣ Сашу, какъ источникъ постояннаго и глубокаго интереса, какъ нѣчто ему самому очень нужное. И выходило это у него такъ просто и естественно, что казалось, не требовало съ его стороны никакихъ усилій. Только позднѣе я узналъ, что уже въ это время онъ много и сосредоточенно занимался вопросами дѣтской психологіи и работалъ надъ проблемами педагогики. Со свойственной ему систематичностью, онъ уже тогда старался закрѣплять результаты своего начальнаго педагогическаго опыта. Въ свои записныя книжки, которыхъ постепенно накопилось очень много, онъ заносилъ свои разговоры съ нами, факты нашей жизни, свои наблюденія надъ нашей психологіей, иногда свои предвидѣнія. У другого это могло бы выродиться въ опасный схематизмъ и не менѣе опасное экспериментированіе. Съ Сашей этого не случилось. Его спасло отъ этихъ опасностей живое чувство любви къ дѣтямъ и къ индивидуальной человѣческой душѣ. Только потому и могъ онъ подходить къ намъ съ такой простотой и только потому отвѣчали мы ему такой полной довѣрчивостью.

Этаповъ моего сближенія съ Сашей я не помню. Не помню — вѣроятно потому, что сблизились мы очень быстро. Очень скоро послѣ первой нашей встрѣчи онъ сталъ значить для меня больше, чѣмъ кто бы то ни было дру-

гой въ семьѣ или школѣ. Очень скоро онъ пріобрѣлъ такое же значеніе для цѣлой группы мальчиковъ и дѣвочекъ — моихъ товарищей по гимназіи и нашихъ сестеръ. Образовалось какъ бы особое дѣтское содружество «Ельчаниновцевъ», связанное чувствомъ любви къ Сашѣ и преданности ему. Все самое существенное въ нашей жизни было связано съ нимъ. Ему можно было сказать о томъ, чего никому другому не довѣрилъ бы. У него можно было искать разрѣшенія разныхъ сомнѣній и совѣтовъ въ трудныхъ случаяхъ жизни. Онъ былъ воистину нашимъ наставникомъ, вліяніе котораго перевѣшивало, если не исключало, всѣ остальныя. Наша привязанность къ Сашѣ была безгранична. Мы всѣ были увлечены Сашей. Мы искали всякаго случая, чтобы быть съ нимъ, мы стремились проводить въ его обществѣ все свободное время. Все это было настолько необычно по своей напряженности, что даже ставило въ тупикъ нашихъ родителей, можетъ быть вызывало съ ихъ стороны чувство ревности. Насколько помню, Сашѣ приходилось объясняться съ нѣкоторыми изъ особенно встревоженныхъ родителей. Они не могли понять, почему этотъ юноша 17-18 лѣтъ могъ удѣлять столько времени и вниманія дѣтямъ, съ которыми у него, казалось бы, не могло быть ничего общаго. Ихъ тревожилъ самый фактъ такого сильнаго вліянія на насъ со стороны Саши и они боялись, быть можетъ, какъ бы это вліяніе не было использовано имъ во вредъ нашему развитію. Сомнѣнія эти быстро разсѣялись. Слишкомъ уже очевидна была моральная безупречность нашего друга, искренность его любви къ намъ и, главное, его необычайная бережливость въ обращеніи съ нашими душами. Вліяніемъ своимъ въ нашемъ кружкѣ онъ пользовался съ исключительной осторожностью. Никогда никому изъ насъ онъ ничего не старался навязать. Всѣ мы были очень разные и, внимательно приглядываясь къ естественнымъ нашимъ наклонностямъ, Саша старался только помочь намъ найти правильный путь въ ту сторону, куда каждаго изъ насъ влекло.

Менторскаго въ немъ вообще ничего не было. Самъ очень живой и гибкій, онъ былъ нашимъ товарищемъ, съ которымъ было легко и весело. Помню его на нашемъ гимназическомъ дворѣ, на Тифлисскихъ улицахъ, на полянахъ, гдѣ мы играли въ футболъ, на загородныхъ прогулкахъ. Ходилъ онъ всегда очень быстро, какъ бы едва прикасаясь къ землѣ, слегка размахивая руками и немного склонивъ голову на одну сторону. Во всемъ его обликѣ преобладало ощущеніе свѣта и легкости. Помню, какъ озарялось его лицо необычайно милой и доброй улыбкой. Помню его смѣхъ — очень характерный, но который мнѣ трудно было бы описать; помню быстрое и ласковое прикосновеніе его руки, когда онъ, бывало, обниметъ тебя за плечи или потреплетъ по головѣ. Только позднѣе, много лѣтъ спустя, когда я увидѣлъ его уже священникомъ, я сумѣлъ опредѣлить для самого себя эту его особенность, которую смутно чувствовалъ еще въ дѣтскіе годы: сочетаніе въ немъ очень высокой настроенности и почти аскетизма (въ личной жизни онъ всегда довольствовался очень малымъ и потребности свои сводилъ до необходимаго) съ веселой жизнерадостностью, временами казавшейся чуть ли не безпечностью.

Я уже говорилъ, что никого изъ насъ изъ своихъ воспитанниковъ онъ ни къ чему не принуждалъ, а только бережно и любовно взращивалъ наши интересы и наши наклонности. Сколь многимъ я лично ему обязанъ въ умственномъ и духовномъ моемъ развитіи, мнѣ даже трудно сказать: и сейчасъ, на растояніи столькихъ лѣтъ, я не всегда могу опредѣлить, до чего я дошелъ самъ и къ чему былъ приведенъ Сашей — до того легко и незамѣтно было его водительство. Знаю только, что въ основномъ ему я обязанъ больше, чѣмъ кому бы то ни было другому въ жизни. Насколько могу судить, уже въ томъ раннемъ возрастѣ Саша выдѣлялся глубиной и тонкостью своей литературной и эстетической культуры. Лучшаго литературнаго руководителя для мальчика моихъ лѣтъ и моихъ наклон-

ностей я не могу себѣ представить. Благодаря ему, я еще въ гимназическіе годы могъ по настоящему подойти къ русскимъ классикамъ, и благодаря ему же могъ пріобщиться къ тѣмъ новымъ для меня мірамъ литературнаго творчества, которые лежали для меня за предѣлами школьной программы. Самъ очень одаренный филологъ, Саша училъ насъ культурѣ слова, и за эти уроки я остался ему навсегда признателенъ. Онъ дѣлалъ и болѣе важное дѣло: онъ пріучалъ насъ думать о тѣхъ вопросахъ, которые одни только имѣютъ существенное значеніе въ жизни, т. е., иными словами, онъ давалъ намъ первоначальное философское воспитаніе.

Но никакой философской системы онъ намъ не проповѣдывалъ — отчасти потому, что всетаки между нами лежала разница лѣтъ, существенная въ раннемъ возрастѣ, отчасти же и главнымъ образомъ потому, что онъ ничего намъ проповѣдывать не хотѣлъ. Не знаю поэтому, насколько глубоко онъ уже тогда былъ заинтересованъ религіозными проблемами. Думаю, однако, что многіе изъ элементовъ позднѣйшей его вѣры сложились еще тогда въ юношескіе его годы. Мы знали, что ближайшими его друзьями были его одноклассники П. А. Флоренскій и В. Ф. Эрнъ. Хорошо помню ихъ обоихъ гимназистами и помню, что Саша часто намъ про нихъ говорилъ. Но близко къ намъ они не стояли, такъ какъ, въ отличіе отъ Саши, ни у того, ни у другого особаго стремленія сближаться съ дѣтьми какъ будто не было. Флоренскаго вспоминаю, какъ застѣнчиваго, молчаливаго и погруженнаго въ себя юношу. А Эрнъ казался намъ довольно строгимъ и внѣшне-торжественнымъ. Міръ Сашиныхъ отношеній съ этими его друзьями былъ мало для насъ доступенъ, но мы знали, что отношенія эти были очень для него важны и думали о нихъ съ почтительнымъ уваженіемъ и даже не безъ нѣкотораго трепета. Эрна уже нѣтъ въ живыхъ и только отецъ Павелъ Флоренскій могъ бы разсказать о томъ, какъ слагались религіозно-философскія воззрѣнія

Саши. Я же вспоминаю только, что въ тѣ годы Саша впервые привлекъ мое вниманіе къ Владиміру Соловьеву и до сихъ поръ помню необыкновенно сильное впечатлѣніе, которое это чтеніе на меня произвело.

Духовная связь съ Сашей не порвалась и даже не ослабѣла послѣ того, какъ онъ окончилъ гимназію и уѣхалъ въ Петербургъ. Невозможность постояннаго общенія съ нимъ воспринималась какъ большое лишеніе, но руководительство его продолжалось и на разстояніи. У меня съ нимъ была самая оживленная переписка и я долго хранилъ его многочисленныя, написанныя мелкимъ, сильно наклоннымъ почеркомъ письма, пока они не пропали во время революціи. Я писалъ ему подробно о своемъ чтеніи, о своихъ мысляхъ и о встрѣчахъ съ новыми людьми, а онъ присылалъ мнѣ интереснѣйшія письма о своей жизни въ Петербургѣ, о новыхъ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ, о группѣ «Новаго Пути», съ которой онъ въ то время сблизился (если не ошибаюсь, въ журналѣ «Новый Путь» появилась первая его печатная работа — статья о мистицизмѣ Сперанскаго). Издали онъ продолжалъ слѣдить за нашимъ развитіемъ съ той же любовью и съ тѣмъ же вниманіемъ, а мы прислушивались къ его слову, какъ и раньше.

Праздниками въ нашей жизни бывали его пріѣзды въ Тифлисъ на рождественскія каникулы или лѣтомъ. Тогда начинались безконечные разговоры обо всемъ пережитомъ во время разлуки и долгое хожденіе по улицамъ города въ вечерніе часы, съ классическимъ русскимъ провожаніемъ другъ друга отъ дома до дома. Особенно запомнилось мнѣ лѣто, проведенное вмѣстѣ съ Сашей въ горахъ въ Манглисѣ, который онъ очень любилъ (какъ и вообще кавказскую природу) и который навсегда останется въ моей памяти связаннымъ съ Сашинымъ образомъ.

Моя личная связь съ Сашей стала нѣсколько ослабѣвать только въ самые послѣдніе годы моей гимназической жизни въ 1905-1906 г. г., когдя я вмѣстѣ съ другими

моими сверстниками цѣликомъ отдался политическому возбужденію, охватившему всю Россію. Конечно, мы всѣ были революціонерами и, конечно, всѣ принадлежали къ какой-нибудь политической партіи. Саша же ни къ какой партіи не принадлежалъ, но никакихъ столкновеній или рѣзкихъ споровъ съ Сашей въ это время не вспоминаю. Вѣроятно и тогда онъ не хотѣлъ навязывать намъ свою точку зрѣнія и не хотѣлъ мѣшать намъ идти своимъ путемъ. Но знаю, что и тогда, въ самый разгаръ своихъ политическихъ увлеченій, изъ соприкосновенія съ Сашей я выносилъ смутное, но сильное чувство, что не въ политикѣ самое главное а что есть вещи, которыя важнѣе и существеннѣе, чѣмъ внѣшняя перестройка соціальныхъ и политическихъ порядковъ.

Осенью 1906 года я поступилъ въ Московскій Университетъ и снова оказался въ одномъ городѣ съ Сашей, который къ тому времени переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Онъ жилъ тогда въ памятной для меня квартирѣ на Сивцовомъ Вражкѣ, гдѣ, если не ошибаюсь, жили съ нимъ Эрнъ и Флоренскій. Объ этомъ періодѣ Сашиной жизни лучше и полнѣе меня могутъ разсказать тѣ, кто былъ тогда къ нему близокъ. Я уже шелъ тогда своимъ, отличнымъ отъ Сашинаго, жизненнымъ путемъ, но унося съ собой, какъ неотъемлемую часть моей души все то безконечно цѣнное, что онъ далъ мнѣ въ годы первоначальнаго моего развитія.

М. Карповичъ

ОБРАЗЫ И ВСТРѢЧИ

Я знала отца Александра еще со своей школьной скамьи. Частная гимназія, въ которой я училась, представлявшая изъ себя исключительно интересный опытъ, привлекала въ свои стѣны самыхъ талантливыхъ преподавателей и, можно сказать, Александръ Викторовичъ Ельчаниновъ былъ среди нихъ исключительнымъ и несравненнымъ. Въ нашемъ юношескомъ воспоминаніи остался навсегда жить необыкновенный образъ любимаго учителя, дорогого друга и главное, поистинѣ, какого то сказочнаго наставника, раскрывавшаго намъ жизнь во всей ея чудесной глубинѣ. Его преподаваніе больше, чѣмъ что либо иное въ гимназіи, осуществляло основную ея идею школу радости, творчества и свободы. Оно не укладывалось ни въ какую систему и широко перерастало всякую программу. Это время полно для всѣхъ учениковъ отца Александра такими яркими и сильными воспоминаніями, овѣяно такимъ очарованіемъ, что если говорить о немъ какъ слѣдуетъ, то трудно было бы кончить. Въ нихъ не только первыя мечты нашей собственной счастливой молодости, не только исключительно богатый и обширный педагогическій опытъ, но, конечно, прежде всего, хотя можетъ быть мало осознанное, но интуитивно пережитое, соприкосновеніе съ личностью нашего учителя. Чаще всего и живѣе всего въ этихъ воспоминаніяхъ встаютъ безчисленныя черты его личной, иногда мимоходомъ проявленной реакціи на жизнь, тонкой, яркой и жизнерадост-

ной. То ли это его радость веснѣ, то ли его увлеченіе тонкимъ рисункомъ греческихъ вазъ, которыя мы расписывали въ вечерніе часы, собираясь дополнительно для изученія греческой исторіи. То ли мелькомъ брошенное художественно острое замѣчаніе о яркомъ зонтикѣ дамы на пыльномъ сѣромъ фонѣ скалъ, но который до сихъ поръ видишь въ ихъ запечатлѣнномъ контрастѣ, или шутливая и простая, но на всю жизнь положившая печать простоты, бесѣда съ нашимъ классомъ о появившемся неправильномъ тонѣ между мальчиками и дѣвочками.

Объ отношеніи отца Александра къ каждому изъ насъ у меня осталось какое то трудно опредѣлимое впечатлѣніе необыкновенно зоркаго и заботливаго вниманія, иногда прикрытаго доброй легкой ироніей, и личной заинтересованности каждымъ изъ насъ, — такъ что каждый могъ бы считать себя любимымъ ученикомъ, — и съ другой стороны, — какой то прозрачности и отсутствія личнаго въ личномъ отношеніи.

Спустя много лѣтъ бѣженства на одномъ изъ съѣздовъ Движенія, вечеромъ, на узкой дорожкѣ, среди похожаго на русское поля, отецъ Александръ сообщилъ намъ о своемъ рѣшеніи принять священническій санъ. Необыкновенная радость охватываетъ насъ отъ значительности этого сообщенія. Передъ нами уже новый обликъ отца Александра. Въ немъ много совсѣмъ новаго, но особенно поражаетъ смиреніе, съ какимъ онъ говоритъ объ этомъ.

Къ моему величайшему горю мнѣ никогда не приходилось близко жить къ отцу Александру за всѣ годы его священническаго подвига. Лишь яркіе образы запечатлѣлись въ рѣдкія встрѣчи съ нимъ:

— Рукоположеніе отца Александра во священники въ нижнемъ храмѣ на Rue Daru. Необыкновенно помолодѣвшее его лицо, и весь его иконописный обликъ, какъ бы, наконецъ, нашедшій свое подлинное изображеніе.

— Отецъ Александръ на съѣздѣ «Движенія». Испо-

вѣдь у него. Никто такъ не исповѣдывалъ, какъ онъ; такъ горячо и искренне молился онъ о кающемся и о себѣ во время исповѣди. Передъ нимъ дѣлается сразу какъ то стыдно за себя и за свое плохое покаяніе. Его руководство и наставленіе иногда почти неуловимы, слова скупы, но каждое оброненное имъ слово, полное человѣческаго пониманія, сочувствія и любви, оставляетъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Онъ одновременно мягокъ и любовенъ, суровъ и строгъ. Особенно взыскателенъ онъ къ тщательному и строгому приготовленію и пріятію Святыхъ Тайнъ.

— Отецъ Александръ въ дѣвичьемъ лагерѣ ведетъ бесѣду, окруженный тѣснымъ кругомъ вдругъ измѣнившихся серьезныхъ и увлеченныхъ лицъ. Тема бесѣды, — трудная аскетическая духовная проблема. Поражаетъ, какъ у этихъ, иногда самыхъ легкомысленныхъ и часто кажущихся намъ, руководительницамъ, безнадежно элементарными дѣвушекъ, вырастаетъ такой глубокій и захватывающій интересъ къ простымъ и мудрымъ словамъ отца Александра. Пріѣхавъ, незамѣтно онъ постепенно преображаетъ весь строй лагеря и совершаетъ чудеса. Онъ все прежній, все тотъ же въ немъ знакомый учитель, но чувствуется за этимъ какая-то невѣдомая новая глубина знанія человѣческой души. При всей прежней простотѣ и непосредственности, — величайшая сосредоточенность и отданность внутренней жизни.

Послѣ каждой встрѣчи съ от. Александромъ появляется потребность видѣть его чаще, говорить серьезно и много обо всемъ, искать его руководства.

Вѣсть о его назначеніи въ Парижъ облетаетъ всѣхъ, какъ радостный сонъ. Ей боишься вѣрить. Мечтаешь ближе узнать его, учиться у него.

— Первая его воскресная литургія во храмѣ на rue Daru. Шестая недѣля великаго поста. Тотъ же молодой, несмотря на его 53 года, прекрасный священническій обликъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ, въ той же церкви,

при рукоположеніи. Лишь лицо исхудало и измождено, — онъ былъ тогда уже боленъ и черезъ силу держался на ногахъ. Такъ необычайно слышать его службу въ этомъ храмѣ, и его голосъ, непривычно скромный и простой, его послѣднюю проповѣдь, такъ запомнившуюся, такую теперь многозначительную.

Для нашихъ неготовыхъ сердецъ эта страшная болѣзнь и эта неожиданная смерть были грозой среди яснаго неба, испытаніемъ, вызывающимъ скорбь, горечь непониманія. Съ человѣческой земной точки зрѣнія все было безсмысленно въ этомъ ударѣ, оборвавшемъ такую богатую жизнь, отнявшемъ безконечно любящаго мужа и отца у семьи, у Церкви — мудраго и духовно-опытнаго пастыря, у Россіи — подлинно культурнаго русскаго человѣка, прозрѣвшаго и осуществившаго сочетаніе свѣтской науки и духовно-церковнаго опыта. Неотступная мольба неслась къ престолу Божію отъ множества любящихъ его и до послѣднаго дня тверда была вѣра, что можетъ Господь поднять его со смертнаго одра. Всѣ говорили — «въ его глазахъ нѣтъ смерти», но Господь отвѣтилъ на человѣческую любовь Своей любовью. Смерть эта — загадка для насъ. Къ ней можно приближаться лишь въ молитвѣ, открывая недоумѣнное и скорбное сердце. Но именно къ этимъ пяти мѣсяцамъ болѣзни обращается все наше вниманіе и изъ всѣхъ образовъ отца Александра взглядъ неотступно приковывается къ этому его послѣднему образу.

— Съ самаго приближенія длинной и непонятной болѣзни чувствовалась какая-то ея роковая предопредѣленность. Самъ отецъ Александръ и его жена предчувствовали ее задолго до пріѣзда въ Парижъ. «О рѣшеніи назначить меня въ Парижъ я выслушалъ со страхомъ, какъ сообщеніе о катастрофѣ», пишетъ онъ изъ Ниццы. И въ продолженіи всей болѣзни эта печать обреченности такъ и не оставляла его. Недовѣрчиво относился онъ къ временнымъ признакамъ улучшенія. Однако всѣми силами души и тѣ-

ла хотѣлъ выздоровѣть, постоянно жилъ напряженной мечтой о возвращеніи къ своему служенію и семьѣ. И духъ и тѣло его оказались необыкновенно стойкими и выносливыми. По словамъ врача, тѣло его было такъ же гармонически развито, какъ гармонична была его душа. Но несмотря на исключительную сопротивляемость, болѣзнь наносила новые и новые удары, все умножалось смятеніе врачей. Отецъ Александръ вынесъ пять мѣсяцевъ сильнѣйшихъ, почти ежедневныхъ припадковъ озноба и жара, двѣ операціи, произведенныя лишь подъ мѣстнымъ наркозомъ, мучительныя ежедневныя перевязки. Страданія его были настолько невыносимы, что когда онъ терялъ сознаніе отъ слабости и болей, ужасные стоны его наполняли всю больницу, но какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ умолкалъ и никто не слышалъ ни малѣйшей жалобы, ни единаго стона. Въ самые трудные дни на вопросы врачей онъ всегда говорилъ «чудесно», къ врачамъ и сидѣлкамъ относился съ величайшимъ довѣріемъ, вызывая особенныя о себѣ заботы

Послѣ смерти найдена была въ его записной книжкѣ замѣтка карандашемъ: «не говорить о болѣзни, не откровенничать». Можно сказать, что отецъ Александръ твердо исполнилъ правило, поставленное самому себѣ. Но сама болѣзнь отца Александра приподняла для насъ покровъ, всю жизнь скрывавшій его истинный образъ. Лишь болѣзнь научила насъ до конца не искушаться смиреніемъ и кротостью отца Александра, граничищими съ уничиженіемъ. Лишь въ болѣзни раскрылась парадоксальность для насъ его пути и его судьбы. Близкіе спорили съ нимъ о безуміи его нерадѣнія о себѣ, о его постахъ, подорвавшихъ его здоровье, о его безграничной жертвенности всей своей жизнью на его священническомъ пути, но протесты смолкли у его смертнаго одра. Господь отвѣтилъ, казалось, намъ на наши недоумѣнія послѣднимъ величайшимъ испытаніемъ, которымъ увѣнчалъ раба Своего. Отецъ Александръ давалъ Богу и людямъ всѣ свои силы,

все свое время, всю свою жизнь и Господь потребовалъ у него послѣднюю жертву — самую его жизнь, а съ нею и то, что было ему самого дорогого — разлуку съ его семьей. Можетъ быть немногимъ духовнымъ дѣтямъ о. Александра была извѣстна эта сторона его жизни, ибо по безпредѣльной жертвенности своей онъ считалъ своимъ долгомъ свою семью, какъ и себя самого, ставить всегда на второе мѣсто, послѣ своего служенія. Но стоило хоть разъ увидѣть его дома, чтобы понять, гдѣ были счастье и радость его жизни. При напоминаніи о семьѣ лицо его всегда освѣщалось радостью, о дѣтяхъ своихъ онъ говорилъ всегда съ нѣжностью и любовью и даже гордостью. «Очень дѣтки мои хороши», не разъ повторялъ онъ. Кто зналъ ту исключительную любовь, которой отвѣчала ему его семья, кто хоть разъ видѣлъ его дома, тотъ можетъ съ болью представить себѣ, что значила для о. Александра разлука съ ними.

О внутреннемъ состояніи отца Александра мы можемъ лишь издали судить по отрывкамъ его записей: «Болѣзнь — вотъ школа смиренія, вотъ гдѣ видишь, что нищъ, и нагъ, и слѣпъ». «Многое я передумалъ и пережилъ за эту болѣзнь. Страшная и сомнительная и зыбкая вещь — наша жизнь; такой тонкой пленкой отдѣлена она отъ боли страданія и смерти. И такъ безсиленъ человѣкъ передъ всѣмъ этимъ мракомъ, такой слабой оказывается вся духовная жизнь, не выдерживающая t° въ 40°, ослабѣвающая при большой боли. Вообще болѣзнь сильно смиряетъ; Господь не оставляетъ безъ Своихъ утѣшеній, но такъ ясно видишь свое ничтожество и безсиліе. Единственная защита противъ всѣхъ ужасовъ, насъ окружающихъ, — вѣрная любовь ко Христу и неотступное за Него держаніе».

Больше чѣмъ его скупыя слова говорилъ во время болѣзни его внѣшній видъ. На лицо, страшно исхудавшее, легла серьезность и отрѣшенность отъ міра. При приближеніи къ его постели прежде всего поражало великое спокойствіе его лица, несмотря на явные слѣды мученій. Не-

ычайными стали его глаза. Всегда лучистые и ласковые, они стали широко открытыми и устремленными въ новый невѣдомый міръ. Таковъ былъ онъ послѣ первой операціи. Всегда сдержанный и трезвенный, отецъ Александръ съ дѣтскимъ восторгомъ разсказывалъ о томъ, какія райскія видѣнія были ему во время операціи, когда онъ въ полномъ сознаніи, (поражая всѣхъ врачей своимъ мужествомъ), вынесъ широкую резекцію реберъ. «Пилятъ мои кости, гной льется, говорилъ онъ, а я вижу ангеловъ вокругъ меня, яркій свѣтъ, и такое блаженство наполняетъ мою душу».

Такъ черезъ молчаливую муку и борьбу, черезъ внутреннія исканія смысла своей болѣзни, обрѣталъ отецъ Александръ новый и ничѣмъ невозмутимый міръ. За длительными страданіями послѣдовала такая свѣтлая тихая кончина, что она одна даетъ утѣшеніе его близкимъ въ этой страшной ранней разлукѣ.

М. Зернова.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ о. АЛЕКСАНДРѢ ЕЛЬЧАНИНОВѢ

Первое мое знакомство съ о. Александромъ относится ко времени, когда мнѣ было 12 лѣтъ, а о. Александръ велъ преподаваніе русскаго языка въ ниццкомъ лицеѣ.

Въ началѣ учебнаго года о. Александръ обратился къ намъ, разъясняя, что такое русскіе уроки. Я сидѣлъ на задней партѣ, ни мало не обращая вниманія на его слова и, подравшись съ моимъ сосѣдомъ, сломалъ ему очки. Отецъ Александръ спросилъ мое имя и, сдѣлавъ мнѣ внушеніе, никакъ не наказалъ. Таково было наше первое знакомство.

Въ то время въ моемъ классѣ французскій языкъ преподавался однимъ учителемъ, умомъ котораго я сильно восторгался. Онъ красиво говорилъ, разсказывалъ интересныя вещи. Сила же о. Александра была въ томъ, что онъ тайно влекъ сердце незлобивостью, отеческой любовью.

Однажды была устроена прогулка русской молодежи. Въ горахъ, въ довольно дикой и пустынной мѣстности, я, обогнавъ всѣхъ, далеко ушелъ впередъ. Когда, долго спустя, меня догнали, о. Александръ обрадовался, увидѣвъ меня. «Я очень безпокоился», — сказалъ онъ мнѣ, — «если бы ты не нашелся, я бы остался въ горахъ искать тебя», — чѣмъ и покорилъ окончательно мое сердце.

Разговоры съ о. Александромъ оставались въ душѣ навсегда; для меня они были этапами духовной жизни.

О. Александръ, какъ никто другой, угадывалъ то, въ чемъ нуждался его собесѣдникъ и говорилъ съ нимъ всегда о самомъ насущномъ.

Часто, вмѣсто разговоровъ, совѣтовъ, о. Александръ предлагалъ просто вмѣстѣ помолиться, и эта совмѣстная молитва давала тотъ миръ, въ которомъ нуждался приходящій.

Я уѣзжалъ въ Гренобль; о. Александръ съ печалью говорилъ мнѣ: «Вотъ ты уѣдешь и наша дружба прекратится: съ глазъ долой — изъ сердца вонъ». Онъ думалъ, что его можно забыть! И, возвращаясь изъ лицея по набережной, имѣлъ со мной разговоръ, который сталъ для меня свѣточемъ и путемъ въ дальнѣйшей моей жизни.

Попавъ въ Гренобль, я не былъ забытъ о. Александромъ. Несмотря на свою страшную занятость, о. Александръ высылалъ мнѣ книги, велъ со мной переписку. Черезъ литературу, черезъ нашихъ классиковъ, онъ подводилъ къ главному. Въ своихъ письмахъ, въ объясненіяхъ и указаніяхъ на читаемое, онъ старался дать понять, почувствовать природу и условія духовной жизни и, когда видѣлъ нѣкоторый отвѣтъ на свои призывы, давалъ практическія наставленія, ставя молитву, чтеніе Св. Писанія и свв. Отцовъ, краеугольнымъ камнемъ душевнаго устроенія и всѣ другія стороны религіозной жизни считая вытекающими изъ практическаго духовнаго дѣланія.

Прочтя разъ теософскую книгу, я закидалъ о. Александра вопросами и ожидалъ получить обстоятельный богословскій трактатъ на волнующія меня темы. Каково же было мое разочарованіе и даже нѣкоторая досада, когда послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ краткое письмо, гдѣ писалось: «Наше дѣло, православныхъ русскихъ людей, уразумѣть с в о ю вѣру двумя путями: знакомясь съ ней и ж и в я ею. Ты задалъ мнѣ гору вопросовъ, но имѣй въ виду, что богословскіе, какъ и философскіе вопросы, нельзя разбирать въ какомъ угодно порядкѣ и послѣдовательности, какъ и въ математикѣ и въ лю-

бой наукѣ. Если ты хочешь понемногу и основательно понять нашу вѣру, то для этого: читай Евангеліе съ комментаріемъ въ рукахъ, и старайся жить церковно. До этого все будетъ одна игра ума и праздное любопытство. Я понимаю, какъ это неисполнимо и какъ, наоборотъ, легко и занимательно читать теософскія фантазіи, но ничего другого посовѣтовать тебѣ не могу».

Такимъ мудрымъ путемъ о. Александръ расчищалъ, приготовлялъ мѣсто тому, что даруется однимъ Богомъ.

Переѣхавъ въ Ниццу, я уже не отходилъ отъ о. Александра. Вспоминая теперь, какъ приходилось ему докучать, удивляешься его терпѣнію. Никогда — рѣзкаго недовольнаго слова, недовольнаго лица. У отца Александра иногда, дѣйствительно, не было минуты свободной. Помимо уроковъ, богослуженій, кружковъ, — вся Ницца въ этотъ маленькій домикъ на горкѣ несла свои горести, жалобы, житейскія затрудненія, грѣхи. Все это врачевалось совѣтами, любовью, совмѣстными молитвами, исповѣдью.

По поводу своей занятости о. Александръ мнѣ однажды писалъ: «часто въ буквальномъ смыслѣ некогда поѣсть... письмо тебѣ пишу въ лицеѣ, — дома писать некогда, даже ночью».

Короткіе свои досуги, о. Александръ любилъ проводить въ саду. Онъ копалъ грядки, сажалъ овощи и цвѣты, подвязывалъ ихъ, поливалъ; съ увлеченіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ краснѣютъ помидоры или распускается бутонъ и не безъ гордости подчевалъ насъ продуктами собственнаго огорода.

Три ниццкихъ кружка были руководимы о. Александромъ; я былъ въ одномъ изъ нихъ. Послѣ трудового дня, часто въ дурную погоду, ему иногда приходилось идти на край города, гдѣ мы собирались за отсутствіемъ близкаго помѣщенія. Живя съ семьей въ трехъ маленькихъ комнаткахъ, о. Александръ не могъ устраивать кружки у себя, но время отъ времени мы все же наводняли домикъ о. Александра, размѣщались кто вокругъ стола,

кто на диванѣ, и это были наши самыя уютныя и любимыя собранія. Кружки всегда начинались довольно обширной хоровой программой, такъ какъ отецъ Александръ былъ большой любитель церковнаго пѣнія. Мы иногда собирались у него съ единственной цѣлью «попѣть». Усѣвшись на диванѣ, мы начинали распѣвать догматики или что нибудь великопостное, что отецъ Александръ особенно любилъ. Мы вели мотивъ, а отецъ Александръ, обладая прекраснымъ слухомъ, пополняя этотъ импровизированный хоръ, пѣлъ, смотря по надобности, басомъ или теноромъ.

Потомъ отецъ Александръ читалъ и дѣлалъ поясненія, но главнымъ его желаніемъ было всегда вызвать на разговоръ участниковъ кружка, завязать обмѣнъ мнѣній, вообще имѣть въ насъ не пассивныхъ слушателей, но активныхъ сотрудниковъ.

Отецъ Александръ какъ то притягивалъ къ себѣ людей, которые иногда, не имѣя никакого опредѣленнаго къ нему дѣла, просто хотѣли побыть въ его обществѣ и всегда съ сожалѣніемъ покидали его. При выходѣ изъ церкви, гдѣ отецъ Александръ всегда задерживался требами, исповѣдью, разговоромъ, его постоянно ожидало нѣсколько лицъ, чтобы проводить до дому, а поднявшись на горку и жалѣя разстаться, не рѣдко заходили обѣдать или ужинать.

Въ день имянинъ отца Александра его домикъ и садъ съ трудомъ вмѣщали толпу поздравителей, которые, смѣняясь одни другими, сидѣли до поздней ночи. Болѣе близкіе друзья едва успѣвали мыть чашки (которыхъ не хватало) и разносить чай. Было весело и непринужденно. Отецъ Александръ объединялъ всѣхъ: заставлялъ вмѣстѣ пѣть, разсказывалъ, угощалъ.

Съ любовью идя навстрѣчу каждому, кто нуждался въ его помощи, о. Александръ отдавалъ себя всего и всѣмъ, но, требовательный къ себѣ, и, главное, полный безконечнаго смиренія, онъ писалъ: «я безпрестанно мучаюсь чувствомъ недобросовѣстнаго отношенія ко всѣмъ своимъ

многочисленнымъ обязанностямъ» или «простите меня за мое невниманіе къ вамъ, небрежность, легкомысліе, дурной примѣръ»... Ему ли, непрестанно слѣдившему не только о духовныхъ, но и физическихъ нуждахъ своихъ духовныхъ чадъ, говорить о невниманіи! Болѣе того, иной разъ, каясь въ чемъ либо на исповѣди о. Александру, я отъ него неожиданно слышалъ: «прости, это я виноватъ, не предупредилъ во-время.» Считая себя отвѣтственнымъ за все, что касалось его пасомыхъ, онъ бралъ на себя ихъ проступки и выслушивалъ кающагося не какъ свидѣтель или судья, но снисходилъ къ нему и, какъ бы раздѣляя его грѣхи, каялся вмѣстѣ съ нимъ.

Отсюда необычайная теплота и глубокое сознаніе своей грѣховности, которыя испытывали всѣ, кому приходилось исповѣдываться у о. Александра. Здѣсь не могло быть и тѣни того стыда и неловкости, которые такъ часто сдерживаютъ исповѣдника. Своей горячей молитвой и отеческой лаской, о. Александръ какъ то сразу смягчалъ сердце и отъ самого окаменѣлаго состоянія приводилъ къ настоящему сокрушенію. Результатомъ этого были вереницы исповѣдниковъ, которые, особенно Великимъ Постомъ, терпѣливо ждали своей очереди иногда далеко за полночь. О. Александръ отнюдь не тяготился, этимъ говоря, что «всякая исповѣдь — урокъ и духовное пріобрѣтеніе и для священника».

Вообще Великій Постъ былъ для о. Александра любимымъ временемъ церковнаго года. «Приближаются великіе дни, которыхъ я всегда жду съ радостью и надеждой», писалъ онъ.

Постъ, какъ время покаянія, болѣе всего соотвѣтствовалъ душевнымъ наклонностямъ отца Александра. Его отличительной чертой было постоянное осужденіе себя; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда недоброжелательство окружающихъ было направлено на него, онъ и тутъ ихъ оправдывалъ, виня себя въ томъ, что далъ имъ къ этому поводъ. «Терніи жизни» ничуть не затрагивали душевнаго

спокойствія отца Александра. «Зло, говорилъ онъ, это несуществующее, которое оживаетъ и вспухаетъ отъ обращенія на него вниманія». Горячность его защитниковъ умѣрялась его же просьбами о прощеніи.

Исповѣдь у о. Александра облегчалась и тѣмъ, что онъ понималъ все съ полуслова. Его чуткость въ этомъ отношеніи и знаніе чужой души граничили съ прозорливостью. Однажды, будучи въ отдаленіи отъ отца Александра, я переживалъ большія духовныя трудности, о которыхъ умалчивалъ, боясь, что не сумѣю объясниться на бумагѣ и не желая зря огорчать и тревожить отца Александра. Какъ вдругъ получаю отъ него короткую записку такого содержанія: «Я очень бы хотѣлъ получить отъ тебя письмо и терпѣливо его жду, ты не торопись и не насилуй себя, а когда придетъ охота, то напиши; я не жду отъ тебя описаній... а больше всего хотѣлъ бы, чтобы ты чистосердечно, какъ другу, написалъ бы о своемъ душевномъ хозяйствѣ, первыми попавшимися словами, не преуменьшая, не щадя меня, не стѣсняясь ныть и жаловаться, чтобы я зналъ точно, что съ тобою». Такая воспріимчивость чужихъ переживаній могла быть только результатомъ большой любви.

Послѣднее наше свиданіе съ о. Александромъ, послѣ двухлѣтней разлуки, было уже во время его болѣзни, въ госпиталѣ Вожираръ. Лежа безъ движенія, съ трудомъ говоря и тяжко страдая, онъ и тутъ хотѣлъ духовно помочь, обласкать, утѣшить и какъ бы извинялся за свою болѣзнь, когда не могъ этого по слабости сдѣлать.

Разъ, задержавшись у его постели, я услышалъ отъ него: «что тебѣ стоять надъ прахомъ твоего учителя», иначе говоря: «зачѣмъ тебѣ утруждать себя, вѣдь я больше ничего не могу тебѣ дать».

Въ день моего отъѣзда, превозмогая себя, останавливаясь и впадая въ полузабытье, когда силы совершенно оставляли его, онъ все же сказалъ мнѣ нѣсколько словъ наставленія, до конца заботясь о моемъ духовномъ преус-

пѣяніи. Его послѣдній образъ, съ благословляющей меня рукой, навсегда останется въ моемъ сердцѣ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ можетъ быть недостаточно данныхъ для характеристики отца Александра; я затронулъ слегка лишь нѣкоторыя стороны его дѣятельности, но мнѣ хотѣлось разсказать главнымъ образомъ о томъ, что мнѣ всего дороже: о той любви, которой умѣлъ любить отецъ Александръ, о той любви, которая дѣлала его не наставникомъ, не учителемъ, а отцомъ. «У васъ тысячи наставниковъ, но не много отцовъ».

Въ смерти отца Александра мы потеряли отца, который нѣжной, постоянной, неизсякающей любовію любилъ того, кого онъ разъ принялъ въ свое сердце. Но любовь не перестаетъ и не умираетъ, и отецъ Александръ живетъ той Любовію, которой мы всѣ живемъ и движемся и существуемъ.

Д. и Т. Шкотъ.

ЛИКЪ ОТЦА АЛЕКСАНДРА

«Но отчего же съ этою могилой
Меня не можетъ время примирить...»
В. Соловьевъ.

Необыкновенная цѣнность почившаго о. Александра сказывается въ горькомъ и своеобразномъ чувствѣ сиротства, охватившемъ и не оставляющемъ его духовныхъ чадъ. Тяжко нести иго мысли объ этой утратѣ и свыкнуться съ нею нѣтъ силъ. Она — вѣчно-горестная новость!

Особенно острымъ дѣлается жало этой надгробной скорби, когда вспоминаешь ту отодвинутость, оттѣсненность на задній планъ, на второстепенныя роли, на которыя обрекла его наша «злая жизнь»... Но здѣсь, неожиданно начинаетъ сіять лучъ немеркнущаго, потусторонняго свѣта и звучитъ пѣснь Христова утѣшенія «для плачущихъ и болѣзнующихъ».

На долю о. Александра выпалъ тяжкій и прекрасный жребій отобразить и повторить въ мѣру своихъ тварныхъ человѣческихъ силъ образъ истощанія Христова. Его уничиженія, «кенозиса».

Несказанно тяжки были долгія предсмертныя муки почившаго. Въ полной мѣрѣ отяготѣли надъ нимъ слова книги плача — книги Іова: «и поразилъ сатана Іова гноемъ лютымъ отъ головы и даже до пятъ»... Даже въ наше время, столь обильное старданіями и разрушительными ка-

тастрофами содрагаешься, когда вспоминаешь тяжкія ступени, по которымъ шагъ за шагомъ восходилъ о. Александръ пока на послѣдней невидимая рука не протянула ему чашу горчайшаго «смертнаго питія»....

А жизнь его! Все время незамѣтная, неоцѣненная. Великій мастеръ внутренняго дѣланія, знатокъ души человѣческой и любящій врачъ ея недуговъ, всегда безъ возможности раскрыть всю исключительность своихъ дарованій.

Но вѣдь такова судьба всѣхъ смиренныхъ во Христѣ — таковъ образъ и самаго Подвигоположника нашего спасенія... Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія обычныхъ житейскихъ, земныхъ мѣрокъ — каково было «положеніе» Господа? Маленькая, покоренная, бѣдная страна, всѣми презираемый народецъ и среди него незамѣтный, нищій плотникъ, («le grand Pauvre»), котораго лишь немногіе послѣдователи звали «равви» — учителемъ въ серьезъ, а книжники именовали «учителемъ» Іисуса изъ Назарета Галилейскаго лишь иронически, въ насмѣшку. «Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе». Какъ они презирали и ненавидѣли Господа Іисуса — между прочимъ и за то, что Онъ былъ «кротокъ и смиренъ сердцемъ». Небесная мелодія сердечной кротости, любви къ врагамъ и смиренія вызывала злобу и преслѣдованія.

И какъ мало училъ Онъ — «пророкъ изъ Назарета Галилейскаго»... всего лишь три года — подъ гнетомъ нищеты, выслѣживанія, насмѣшекъ, доносовъ... всѣ три года — шествіе на Голгофу — пока, наконецъ, не «свершишася». Но въ минуту, когда власть тьмы готова была торжествовать свою побѣду, оказалось, что власть Духа безсмертна. И во тьмѣ гроба засіялъ Ангелъ Вѣстникъ Вѣчности, Вѣстникъ Воскресенія. «Камень Его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла». И если до Христа гоненія и оттѣсненія на вторыя и третія роли всѣхъ подвизающихся за правду могли приводить лишь къ стоической благородной гордынѣ, «опальныхъ мудрецовъ но-

сящихъ скорбь въ тиши», то послѣ Христа гонимые радостно и свѣтло носятъ образъ Божественнаго Учителя. Невыносимое до Христа иго правды стало благимъ и жестокое бремя любви къ людямъ «жалкому роду» — стало легкимъ и сладчайшимъ во Іисусѣ Сладчайшемъ.

Необычайная уравновѣшенность духовныхъ и физическихъ силъ, какое то аполлинистическое совершенство всего человѣческаго устроенія, помогали отцу Александру стойко проходить «узкій и трудный житейскій путь» и безропотно нести подчасъ жестокую тяжесть существованія... Создавалось даже впечатлѣніе будто и въ самомъ дѣлѣ этому дивному священнику съ добрыми, умными и лучистыми глазами ничего не нужно, и что онъ живетъ въ полномъ довольствѣ и благополучіи. Эта иллюзія держалась вопреки всѣмъ очевидностямъ. Простой какъ голубь, о. Александръ былъ мудръ какъ змій и ему былъ данъ даръ Сократовской ироніи, стрѣлы которой поражали грѣхъ, суету и пошлость, не задѣвая совершенно человѣка. Онъ былъ совершенно не способенъ обидѣть или обидиться. То, что онъ никогда не чувствовалъ себя обиженнымъ было плодомъ его духовнаго аристократизма. То, что онъ никогда не былъ обидчикомъ — вытекало изъ полноты его христіанской вѣры и всегдашняго хожденія передъ Богомъ.

Чѣмъ дальше отходишь во времени отъ часа кончины о. Александра — тѣмъ труднѣе и труднѣе мириться съ мыслью, что его уже нѣтъ, что радостнаго тепла земныхъ встрѣчъ съ нимъ уже не будетъ. А земныя встрѣчи такъ несказанно прекрасны, ибо «Господня земля, все что ее наполняетъ, вселенная и живущіе въ ней».

Бывало взбѣжишь на холмъ, гдѣ стоялъ павильонъ, его жилище — сидишь, ждешь, перебираешь книги его маленькой библіотеки — съ такимъ вкусомъ и серьезно подобранной, ждешь, ждешь и вотъ душа начинаетъ трепетать — слышатся знакомые шаги.

— А, Владимиръ Николаевичъ! — и затѣмъ вѣчно

новая отрада отъ медленно, тихо и просто произносимыхъ словъ благословенія: «Благослови, Господи, раба твоего Владиміра.». обнимаешь и цѣлуешь, плечи руки... и все боишься, что скоро онъ уйдетъ — и онъ уходилъ, такъ какъ трудился съ утра до вечера — да и пребываніе его дома, даже самъ отдыхъ, былъ «работой Господней».. Онъ дышалъ о Господѣ, Имъ существовалъ. Обыденная жизнь въ его домѣ казалась чѣмъ то необыкновеннымъ — пиромъ души, праздникомъ духа.

— «Владиміръ Николаевичъ, вы у насъ обѣдаете? Звенятъ тарелки и ложки накрываемаго стола. Скромная трапеза превращалась у него въ платоновскій симпосіонъ. Этой трапезѣ такъ шелъ ароматъ маслинъ и краснаго вина! За круглымъ столомъ о. Александра возникало все многообразіе мыслей и интересовъ, начинавшихъ свой очарованный хороводъ вокругъ трапезы моего духовника. Золотистыя головки дѣтей ласкаютъ взоръ какъ живые цвѣты... Они вслушиваются въ мудреныя слова, прямой смыслъ которыхъ имъ непонятенъ, но важность которыхъ, подкрѣпляемую авторитетомъ отца, они чувствуютъ, заранѣе пріучаясь къ чистой, серьезной и духовной средѣ.

Я помню о. Александра, работающимъ въ крошечномъ огородикѣ за павильономъ, въ которомъ онъ жилъ. На немъ сѣрая ряса. Жаркое ниццкое солнце желтѣетъ, склоняясь за гору и его иглистые и все еще жгучіе лучи пробиваются сквозь колючую, словно металлическую листву пробковыхъ дубовъ, осѣнявшихъ холмъ, на которомъ стоялъ завѣтный павильонъ. Земля въ огородѣ жесткая, каменистая, южная... грядки огорожены обломками мраморныхъ карнизовъ, добытыхъ имъ изъ земли путемъ раскопокъ. Этотъ мраморъ можетъ видѣлъ Тютчевъ, описывая райскую красоту въ его время еще не опошленной Ривьеры.

«Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ,

Баснословной былью вѣетъ
Изъ подъ мраморныхъ аркадъ»...

Стихи Тютчева звучатъ, за ними слѣдуютъ строфы Фета, Пушкина, Баратынскаго. О. Александръ начинаетъ свѣтиться какимъ-то особеннымъ ему свойственнымъ внутреннимъ свѣтомъ. Расцвѣтаетъ бесѣда о свойствахъ русскаго стиха, о Діонисѣ Русскомъ и Античномъ — и за всѣмъ этимъ чувствуется могучій устой Камня Христова... Онъ, этотъ могучій устой поддерживалъ въ почившемъ вѣчно цвѣтущее чувство райской красоты, которому не надо было совершать мучительной надрывной ломки, чтобы перейти отъ великихъ русскихъ поэтовъ къ великой аскетикѣ восточныхъ Отцовъ. Наступалъ вечеръ — молодежь собиралась къ своему возлюбленному духовнику и начиналось чтеніе и толкованіе очередной главы Св. Іоанна Лѣствищника или преп. Исаака Сирина. И казалось такимъ чудеснымъ это сочетаніе: священника родомъ изъ Тверской губерніи, съ озера Селигера — и береговъ Средиземнаго моря, жаркой суетливой Ниццы съ ея пальмами и платанами и тихой сосредоточенной бесѣдѣ о Таинствахъ Евангелія и святоотеческаго богословія.

Не хотѣлось выпустить изъ рукъ это возлюбленное чудо, а удержать его было невозможно. И вотъ ушелъ онъ навсегда. Оглушенный невозвратимой утратой, смотришь вокругъ съ тоской и страхомъ, — а его нѣтъ...

Отпадшій отъ Бога міръ замутился, — замутились человѣческія души, сердца и головы... многія мученія происходятъ отъ этой скверной взбаламученной «сложности», которая въ сущности даже и не сложность, а дурная путаница. Люди подобные о. Александру, одаренные искренностью и простотой — съ какой то моцартовской ясностью разбираются въ этомъ мірскомъ туманѣ, они узнаютъ въ немъ лица и событія, они, какъ Новый Адамъ, вновь спасительно именуютъ вещи по едва разли-

чаемымъ для другихъ контурамъ. Они узнаютъ образъ Божій въ человѣкѣ по стертымъ, едва замѣтнымъ, намекамъ на лицо.

У о. Александра не было «точекъ зрѣнія» и предвзятостей. Онъ устранялъ себя ради полноты міра — и міръ въ немъ обрѣталъ полноту и многообразно-согласную ясность. Поразительна была разносторонность почившаго — свойство столь необходимое для духовника. О. Александръ такъ живо входилъ въ многообразный міръ людскихъ душъ, потому что самъ живо и искренно интересовался всей полнотой бытія.

До глубины своего существа русскій, переживавшій Россію всѣмъ напряженіемъ силъ своей многообъемлющей души — онъ въ то же время — и, быть можетъ, по этой причинѣ, былъ представителемъ уходящихъ уже традицій русскаго универсализма и съ нимъ, какъ ни съ кѣмъ другимъ, можно было погружаться въ контраверзы современнаго ученія о веществѣ, о вѣкѣ техники, о нѣмецкой философіи, о Достоевскомъ, о Бахѣ и Стравинскомъ, о Божественной комедіи Данте и о сонетахъ Петрарки, объ античной трагедіи... Онъ возлюбилъ всю полноту созданія Творца творцовъ. Но его душа мнѣ всегда казалась чистой мудрой дѣвой, одѣтой въ голубыя одежды, со свѣтильникомъ въ рукѣ и въ постоянномъ ожиданіи Грядущаго Слова, Жениха Небеснаго.

Всегда современный, всегда соотвѣтствующій запросамъ момента, онъ былъ одинаково свободенъ и отъ дурного архаизма и отъ налета модернистической дешевки. Какіе бы жаркіе споры ни затѣвались въ его присутствіи, съ какими бы страшными язвами ни приходили къ нему его духовныя чада — они встрѣчали всегда одинъ и тотъ же неизмѣнный покой и «адамантову» тихую твердость во Христѣ. Никакого ложнаго паѳоса, никакого необдуманнаго или, наоборотъ, слишкомъ надуманнаго, про запасъ заготовленнаго «жестоковыйнаго» слова...

Такъ проходилъ свой жизненный путь отецъ Алек-

сандръ. Онъ овѣвалъ всѣхъ, съ нимъ соприкасавшихся какой-то прохладой, отъ которой заживала жгучая боль язвъ, наносимыхъ жизнью... эта прохлада словно исходила отъ воскрылій его священническихъ одеждъ, слѣдовала за нимъ, по его открыленнымъ стопамъ.

Онъ легко воспріялъ свой священническій санъ и гармонично переживалъ іерархическій строй церкви. Въ немъ не было ничего тяжеловѣснаго, не было никакого свинца и чугуна, которые такъ мѣшаютъ нашей душѣ и связываютъ ея высокіе порывы и безъ того рѣдкіе и скупые..

Прозраченъ и простъ былъ отецъ Александръ, цѣлъ и чистъ... цѣломудренно чистымъ и хрустально прозрачнымъ казался самъ воздухъ вокругъ него.

Изъ моей памяти никогда не уйдетъ лѣтній день въ пахнущемъ асфальтомъ, душномъ Парижѣ... отрадная прохлада, покой и тишина подъ сводами нижней церкви на рю Дарю. Вокругъ престола обводится рукополагаемый во пресвитеры благоговѣйнѣйшій діаконъ Александръ. Онъ весь въ какомъ то окрыленномъ и радостномъ смиреніи... косвенные лучи солнца прорѣзаютъ облака ладана, играютъ на парчѣ діаконскаго стихаря... Въ этой же самой церкви стоялъ гробъ съ останками приснопамятнаго іерея Александра. Но тишина вокругъ была таже самая — и какъ символъ невечерняго свѣта «Начальника Тишины» — теплилась передъ Спасовой иконой въ головахъ почившаго — лампада.

Въ этой церкви я въ первый разъ увидѣлъ отца Александра, въ первый разъ услышалъ его возлюбленное имя — въ этой же церкви я впервые поклонился его праху...

Много далъ о. Александръ своею жизнью, которая была жизнью для другихъ и въ другихъ. Но еще больше далъ онъ своей величавой и спокойно-трагической смертью. Быть можетъ здѣсь надо искать разгадку и смыслъ столь поразившаго всѣхъ его друзей смертельнаго недуга — послѣ недолгихъ дней радости свиданія съ нимъ...

Какъ велика была радость многихъ и многихъ — сре-

ди нихъ и пишущаго эти строки,— когда выяснилось, что о. Александръ прiѣдетъ въ Парижъ! Словно свѣту и воздуху стало больше. Извѣстiе о его переводѣ въ Парижъ вызвало ощущенiе полноты счастья, такъ рѣдко посѣщающее нашу тяжкую жизнь.

Опять вспоминается нижняя Церковь на рю Дарю — на этотъ разъ на его лицѣ уже налегли какiе-то темные траурные лучи.

Весеннiй холодный парижскiй вечеръ. Улучивъ свободную минуту, я помчался на рю Дарю... Служба кончилась и о. Александръ вышелъ съ крестомъ исповѣдывать. Шла шестая седьмица Великаго Поста... И зналъ вѣдь, что онъ здѣсь и всетаки глазамъ своимъ не повѣрилъ, когда увидалъ... Вообще мнѣ всегда казалось радостнымъ чудомъ всякое свиданiе съ нимъ... на этотъ разъ видѣлись мы съ нимъ самое короткое время. Благословивъ меня, онъ сказалъ, что очень занятъ и проситъ придти на Пасхальной недѣлѣ. За это время его сразилъ смертельный недугъ — и христосоваться пришлось мнѣ съ нимъ, уже лежащимъ въ постели... я не зналъ тогда, что это смертный одръ. «Господи, ужели одръ сей гробъ мнѣ будетъ?» Уже тогда страданiя его были ужасны, онъ пожелтѣлъ, похудѣлъ, осунулся, но единственное, на что онъ пожаловался — это на невозможность совершать Страстную и Пасхальную службу...

— «Больше всего въ церковномъ году я люблю Великiй постъ и Страстную седьмицу... я такъ ихъ ждалъ — и вотъ не судилъ Господь». Глаза его наполнились слезами. Тяжелыхъ предчувствiй у меня не было, но разрывающая жалость пронзила мнѣ грудь. Семья еще не прiѣхала, въ комнатѣ царилъ страшный безпорядокъ и было такое чувство будто больной всѣми заброшенъ и забытъ... уходъ организовался впослѣдствiи. Въ самомъ началѣ болѣзни произведенная операцiя была бы вовсе не мучительной и привела бы по всей вѣроятности къ быстрой поправкѣ но моментъ былъ упущенъ и отнынѣ лѣ-

ченіе превратилось въ медленную пытку, а одръ болѣзни — въ лобное мѣсто. Отъ насъ скрыта послѣдняя тайна Богообщенія, открывшаяся почившему среди неисчетныхъ мукъ... но нѣчто могъ онъ и повѣдать. Когда совершали надъ нимъ безъ наркоза операцію, когда подвергли его этому невольному, но ужасному мученію — онъ слышалъ несказанное пѣніе, зрѣлъ потусторонній свѣтъ...

Такъ укрѣплялся онъ на послѣднюю борьбу, побѣдное завершеніе которой суждено было ему вкусить уже по ту сторону, «идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».

Пять безконечно долгихъ, безконечно мучительныхъ мѣсяцевъ его болѣзни — для тѣхъ, кто этому достойно внимаетъ, были его послѣднимъ и самымъ тяжелымъ видомъ пастырскаго служенія — служенія примѣромъ.

И въ Парижъ пріѣхалъ онъ какъ бы явить примѣръ — какъ не только живутъ о Господѣ, но о Господѣ умираютъ.

Во всѣхъ смыслахъ уравновѣшенная, идеально здоровая природа его могла быть сломлена смертью послѣ тяжкой борьбы. Не давъ надъ собой власти грѣху, онъ собралъ и укрѣпилъ свои духовныя и тѣлесныя силы. Онъ не растерялъ своихъ духовныхъ сокровищъ, но безмѣрно пріумножилъ ихъ, онъ укоренилъ свое сердце въ любви къ Богу и ближнимъ. Истина Христова освободила его и онъ спокойно и радостно отдался подъ начало церковному закону, ставшему для него «слаще чѣмъ медъ для гортани». Потому такъ сладостенъ образъ его и такъ поучительны его жизнь и смерть.

Надгробное рыданіе смягчается и утоляется мыслью, что такой человѣкъ былъ... былъ и есть, «ибо Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ».

Когда слышишь чудный текстъ акафиста «Іисусе премилостивый, пастырей сладосте», — словно слышишь голосъ почившаго о. Александра, который постоянно повторялъ эту молитву при жизни и въ своихъ смертныхъ

мукахъ ушелъ къ «страшному престолу Господа славы» со сладостью Христовой въ сердцѣ. О. Александръ показалъ въ наше ужасное время, что можно, пребывая на высотахъ культуры и изощреннаго ума, носить образъ Христовъ въ душѣ и Его язвы на своемъ тѣлѣ. «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не объяла его».

Смиренный христолюбецъ — Пастырь, званый на Вечерю Господню, тихо вошелъ и сѣлъ на послѣднее мѣсто. Но мы вѣримъ и знаемъ сердцемъ, что въ невечернемъ днѣ Царствія Божія, когда Вечерня Господня превратится въ сіяющій вѣчный полдень, смиренному пастырю, который такъ дивно подражалъ своему Архипастырю, уготовано одно изъ первыхъ мѣстъ и услышитъ онъ голосъ: — «Другъ, сядь выше!»

Владиміръ Ильинъ

ОТЕЦЪ АЛЕКСАНДРЪ КАКЪ ДУХОВНИКЪ

Какъ будто бы нескромно говорить о томъ, какимъ духовникомъ былъ священникъ, — такая оцѣнка свидѣтельствуетъ о какой то критикѣ его духовничества. И эти соображенія дѣлаютъ мою тему исключительно трудной. Но я ее ограничиваю, я берусь сдѣлать только сводку нѣкоторыхъ утвержденій и характеристикъ его духовныхъ дѣтей, полученныхъ послѣ его смерти.

Говорить о человѣкѣ, какъ о священникѣ, какъ о духовникѣ, гораздо легче, обратившись сначала къ его общечеловѣческимъ проявленіямъ. Въ священствѣ человѣкъ раскрываетъ въ наибольшей полнотѣ свойства, данныя ему отъ природы, онъ выявляетъ и осуществляетъ въ полнотѣ свой духовный типъ. Такъ и въ священствѣ отца Александра только осуществлено, что было заложено въ немъ, какъ человѣкѣ, педагогѣ, другѣ, отцѣ, духовномъ мыслителѣ.

Есть люди, которымъ близко «хожденіе по мыслямъ», — они воспринимаютъ каждаго своего собесѣдника, какъ носителя извѣстныхъ идей и убѣжденій, они соглашаются съ его идеями, или борятся съ ними, и всегда расцѣниваютъ человѣка по тѣмъ идеямъ, носителемъ которыхъ онъ является. Отцу Александру былъ совершенно чуждъ такой подходъ къ людямъ. Въ немъ зато съ необычайной отчетливостью воплотился талантъ къ «хожденію по душамъ». Въ собесѣдникѣ его интересовали не его мысли, а самый основной субстратъ его души, его подлинная ду-

ховная природа, реакція этой духовной природы на всѣ явленія жизни, — на радость и на горе, на сомнѣнія, на утвержденія вѣры, на любовь, на дружбу и т. д. Отецъ Александръ встрѣчался съ *человѣкомъ*, а не съ идеями даннаго человѣка. И его идеи интересовали отца Александра только поскольку они раскрывали его духовную структуру. Такое отношеніе непосредственно къ человѣку опредѣляетъ и тонъ его общенія съ людьми. Идеями можно интересоваться, — человѣкомъ интересоваться нельзя, — ему можно со-чувствовать, со-страдать, со-радоваться, со-путствовать, — можно принимать его жизнь со всѣми ея удачами и неудачами въ свою душу, жить этой чужой жизнью.

Такое отношеніе къ человѣку было особенно характерно для отца Александра-педагога. Молодежь онъ бралъ такъ же, — въ полнотѣ раскрытія духовнаго типа каждаго. И навѣрное никто изъ его ближайшихъ учениковъ не согласился бы примѣнить къ отношеніямъ своимъ съ отцомъ Александромъ характеристику, какъ къ отношеніямъ «педагогическимъ», въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Юноша пятнадцати лѣтъ, еще подростокъ, чувствовалъ передъ лицомъ отца Александра какое то особенное равенство своего человѣческаго достоинства, образа Божьяго въ себѣ, съ человѣческимъ достоинствомъ, образомъ Божіимъ въ своемъ учителѣ. Передъ лицомъ Божіимъ они были равны, и отецъ Александръ только сопутствовалъ, только охранялъ болѣе хрупкую и неоформленную душу своего ученика-брата-друга. Въ этомъ ключъ къ пониманію любви молодежи къ отцу Александру, въ этомъ тайна его изумительнаго педагогическаго успѣха. Онъ былъ педагогъ-пестунъ.

И въ педагогикѣ духовничества онъ только раскрылъ основное свойство своего отношенія къ людямъ. Знаменательно, что первый приступъ его смертельной болѣзни свалилъ его во время исповѣди. Исповѣдывать, — было основнымъ призваніемъ его священства. Самъ онъ при-

придавалъ совершенно исключительное значенiе исповѣди. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя мѣста его записей. Такъ, говоря о состоянiи прихожанъ, онъ отмѣчаетъ: «Почти поголовное равнодушiе къ исповѣди, особенно у мужчинъ. Благодарю Бога, что онъ почти всегда даетъ мнѣ переживать исповѣдь, какъ катастрофу». Этимъ сказано все. Зная въ своей личной духовной жизни силу таинства покаянiя, воспринимая ее, какъ нѣкую очистительную и обновляющую катастрофу, онъ и въ качествѣ духовника хотѣлъ дать своимъ духовнымъ дѣтямъ такую же силу чувства покаянiя, помочь имъ очиститься огнемъ этой «катастрофы». Поэтому онъ записываетъ: «Совѣтъ молодымъ священникамъ — исповѣдывать каждаго приходящаго такъ, какъ будто это его послѣдняя предсмертная исповѣдь». Что это значитъ? Это значитъ, что священникъ долженъ помочь исповѣдывающемуся почувствовать смерть тѣхъ грѣховъ, съ которыми онъ пришелъ, подлинный конецъ своей вчерашней жизни и подлинное рожденiе въ новую жизнь. И немудренно, что такое отношенiе къ исповѣди вызывало соотвѣтствующiй откликъ у его духовныхъ дѣтей. Вотъ примѣръ, выписка изъ одного письма: «Для насъ онъ былъ олицетворенiемъ Божiей правды на землѣ. Лучше, яснѣе, проще и мудрѣе его я никого не зналъ. Въ общенiи съ нимъ открывался самый короткiй путь къ Богу. Часто шелъ на исповѣдь въ состоянiи равнодушiя, отупѣнiя, не находя ни грѣха въ душѣ, ни раскаянiя. И онъ двумя, тремя словами, однимъ своимъ кроткимъ, смиреннымъ и благостнымъ видомъ вызывалъ острое чувство покаянiя. Какъ часто одна мысль, что придется передъ пимъ каяться, останавливала отъ грѣха».

А другой духовный его сынъ говоритъ, что онъ «исповѣдывалъ не какъ свидѣтель и судiя, а какъ бы раздѣляя грѣхи». Однажды онъ даже сказалъ на исповѣди: «Прости, виноватъ, не предупредилъ тебя во время», по поводу осложненiй въ духовномъ пути ведомаго имъ духовнаго сына.

Какъ будто бы все сказанное могло бы быть перетолковано, какъ извѣстная пассивность, какъ извѣстное непротивленіе. Но это было бы совершенно невѣрно. Отецъ Александръ зналъ очень хорошо, что такое послушаніе, — и не только самъ былъ смирененъ и послушливъ такъ, какъ только можетъ быть послушливъ православный человѣкъ, выросшій на завѣтахъ отцовъ древности и русскаго старчества, но и умѣлъ требовать послушанія отъ тѣхъ, кто ввѣрялъ его водительству свои души. Онъ былъ духовникомъ твердымъ, увѣреннымъ, сильнымъ, — онъ дѣйствительно велъ. Но велъ, не насилуя, не заглушая органическихъ стремленій ведомаго, онъ пестовалъ его, какъ мудрый садовникъ пестуетъ на грядкахъ растеніе, чтобы оно могло дать свой плодъ, отъ Бога ему предназначенный, и чтобы этотъ его собственный плодъ могъ бы быть самымъ лучшимъ, самымъ зрѣлымъ, самымъ выхоженнымъ. Въ концѣ концовъ въ послушаніи онъ требовалъ отъ людей раскрыть самихъ себя, не уклониться отъ своего пути, явить образъ Божій въ возможной полнотѣ.

Я упомянула о завѣтахъ русскаго старчества. Нельзя говорить объ отцѣ Александрѣ минуя ихъ. Если вообще устанавливать его духовную генеалогію, то она, несомнѣнно, приведетъ насъ къ Оптиной пустыни. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ не только исповѣдующій священникъ, но старецъ-духовникъ. Замѣчательно, что, благодаря именно этимъ традиціямъ, связывающимъ его въ свою очередь съ традиціями Добротолюбія, его острая внимательность къ человѣческой душѣ, его непосредственная любовь къ человѣку какъ результатъ дала новый аспектъ аскетической литературы: недавно изданныя его записи. Въ нихъ онъ говоритъ языкомъ древнихъ аскетовъ, проникшихъ въ тайну современной путанной и больной человѣческой души.

Монахиня Марія.

О. АЛЕКСАНДРЪ ЕЛЬЧАНИНОВЪ

Статья изъ журнала „Путь“

24 августа 1934 г. скончался послѣ долгой и мучительной болѣзни о. А. В. Ельчаниновъ. Смерть вырвала его въ полнотѣ силъ, когда онъ готовился вступить на новое поприще пастырскаго служенія въ Парижскомъ каѳедральномъ соборѣ, куда онъ призванъ былъ митрополитомъ Евлогіемъ послѣ внезапной смерти о. Г. Спасскаго. Болѣзнь, жестокая и неожиданная, поразила его, и, какъ хищный коршунъ, выпила изъ него всѣ жизненныя силы. Казалось, отяготѣла на немъ десница Господня, и какъ Іовъ на гноищѣ, лежалъ онъ на одрѣ болѣзни, который сдѣлался для него и одромъ смерти. Все, что могла сдѣлать человѣческая помощь и самотверженная любовь, было сдѣлано для него, но Господь судилъ призвать праведника въ Свою обитель, и туда возлетѣла его свѣтлая, чистая и праведная душа, неудержанная человѣческими усиліями. Судьбины Божіи неисповѣдимы, и не о немъ, упокоившемся, въ странѣ живыхъ нынѣ надо сожалѣть, а о себѣ самихъ, безъ него оставшихся. Ибо горькая утрата для живыхъ есть его уходъ отъ насъ. Я не позволю себѣ здѣсь касаться святыни скорби его собственной семьи, но его духовная семья простиралась далеко и широко за предѣлы этой послѣдней. Онъ былъ священникъ и пастырь, который связанъ былъ нитями духовно-отеческой любви съ множествомъ душъ, которыя теперь по-

чувствуютъ себя осиротѣвшими, потерявшими кроткаго и любящаго отца и друга. Эти слезы и эта любовь вѣдомы только небу, о нихъ не будетъ разсказано въ лѣтописяхъ исторіи, хотя то, что совершается въ сердцахъ, есть самое важное, что вообще происходитъ въ жизни. Не только по личнымъ качествамъ, пастырской призванности и одаренности, совершенно исключительной, но въ особенности по своему типу о. Александръ, какъ священникъ, представлялъ собой явленіе необычайное и исключительное. Ибо онъ воплощалъ въ себѣ органическую сліянность смиренной преданности Православію и простоты дѣтской вѣры со всей утонченностью русскаго культурнаго преданія. Онъ былъ однимъ уже изъ немногихъ въ эмиграціи представителей старой русской культуры, достигшей передъ революціей, въ особенности въ тѣхъ петербургскихъ и московскихъ кругахъ, въ которыхъ онъ вращался, своего рода зенита. Здѣсь біографія почившаго вплетается въ исторію этой русской культуры, о чемъ пишущій эти строки можетъ быть и историческимъ свидѣтелемъ.

Мое знакомство съ студентомъ, сначала Петербургскаго Университета, а потомъ Московской Академіи, А. В. Ельчаниновымъ относится къ эпохѣ примѣрно 30 лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ. Въ это время выдѣлялась и обращала на себя вниманіе молодая группа мыслителей, писателей и церковныхъ дѣятелей, связанная между собою не только личной дружбой, но и товариществомъ по школѣ. Судьбѣ было угодно, чтобы на одной школьной скамьѣ въ Тифлисской гимназіи сидѣли такіе люди, какъ великій русскій ученый и богословъ о. Павелъ Флоренскій, безвременно скончавшійся философъ Вл. Эрнъ и будущій священникъ и педагогъ А. В. Ельчаниновъ, которые затѣмъ въ сѣверныхъ столицахъ, но преимущественно въ Москвѣ, продолжали свою школьную связь. Всѣ они— каждый по своему — опредѣлились въ новомъ для того времени, но исторически давно жданномъ религіозно-культурномъ типѣ, который естественно примыкалъ къ болѣе старшему поколѣнію то-

го же характера, плеяды мыслителей, писателей, богослововъ, поэтовъ нашего поколѣнія (Тернавцевъ, Бердяевъ, Карташевъ, Вяч. Ивановъ, Гершензонъ, Розановъ, кн. Трубецкіе и др.). Къ нимъ же естественно присоединились и ихъ молодые сверстники, какъ свящ. С. Свенцицкій, Андрей Бѣлый, свящ. С. М. Соловьевъ, А. Блокъ и др.). А. В. Ельчаниновъ былъ любимъ и принятъ одинаково въ кругахъ литературной Москвы и Петербурга, и вездѣ съ радостью встрѣчалось появленіе студента съ лучезарной улыбкой, съ особой скромностью и готовностью слушать и запечатлѣтвать эти безконечныя творческія бесѣды. Въ дружескихъ кругахъ его звали Эккерманомъ при Вяч. Ивановѣ, а затѣмъ при о. П. Флоренскомъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ въ Сергіевскомъ посадѣ (кажется онъ и самъ, шутя, примѣнялъ къ себѣ это названіе). Начало этого вѣка отмѣчено въ исторіи русской мысли возникновеніемъ такъ называемыхъ религіозно-философскихъ обществъ, сначала въ Петербургѣ, затѣмъ въ Москвѣ, а позже и въ Кіевѣ. Въ нихъ находили для себя выраженіе новыя боренія и исканія, съ ихъ проблематикой и идеологіей. Московское религіозно-философское общество «имени Вл. Соловьева» было основано осенью 1905 года, и первымъ его секретаремъ и неизмѣннымъ сотрудникомъ явился А. В. Ельчаниновъ, (принимавшій участіе ранѣе того и въ Петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ), и онъ оставался на этомъ посту, пока для этого была внѣшняя возможность, неся по преимуществу невидимую, но незамѣнимую организаціонную работу. Это была, въ то же время, активная проповѣдь христіанства, борьба съ безбожіемъ интеллигенціи въ ея собственномъ станѣ, — особая задача, выпавшая на долю нашего поколѣнія и разрѣшавшаяся съ посильной искренностью и энтузіазмомъ, хотя и безъ рѣшительной побѣды, если судить по теперешнему разгулу стараго интеллигентскаго, разлившагося въ массы атеизма. А. В. Ельчаниновъ, вмѣстѣ съ друзьями, служилъ уже здѣсь дѣлу христіанской мис-

сіи, которому позже отдалъ себя всецѣло какъ священникъ. Одновременно возникали и иныя начинанія въ области религіозно-политической, съ которыми А. В. Ельчаниновъ также былъ связанъ черезъ своихъ друзей. Здѣсь рѣчь шла объ идейномъ и практическомъ преодолѣніи традиціонной идеологіи, сливавшей и отожествлявшей политическій абсолютизмъ съ православіемъ. Но собственное признаніе А. В. Ельчанинова было всегда не литературное, но личное общеніе съ людьми, въ частности съ молодыми душами. Онп былъ педагогомъ по призванію, и уже тогда было извѣстно, какой исключительной любовью пользовался молодой студентъ среди своихъ учениковъ. И эта черта — особый интересъ къ воспитанію и умѣніе установить личную связь и дружбу между воспитателемъ, и воспитываемымъ, — была особымъ даромъ о. Александра. Этой своей потребности онъ нашелъ удовлетвореніе позднѣе на поприщѣ педагогическомъ, ставъ во главѣ частной гимназіи въ Тифлисѣ.

Обстоятельства разлучили насъ надолго, и наша новая встрѣча произошла уже въ бѣженствѣ, въ Ниццѣ, гдѣ онъ раздѣлялъ общую скорбную долю эмигрантскаго существованія. При этой встрѣчѣ для меня стало ясно, что онъ рѣшительно переросъ уже рамки свѣтской педагогіи, которая ограничивается наружными покровами души, не входя въ самое сердце. Пришло время осуществить педагогическій даръ во всей его полнотѣ, — въ пастырствѣ. «Къ почести высшаго званія», — къ предстоянію передъ алтаремъ Господнимъ, влекла его одинаково какъ его личная религіозная потребность, такъ и эта педагогическая стихія. И желанное совершилось, — съ 1926 года о. Александръ — священникъ, занимающій скромное мѣсто при Ниццкомъ соборѣ. Со всей открытостью своей чистой и вѣрующей души внушалъ онъ небесныя радости предстоянія передъ престоломъ Агнца, и съ христіанскимъ смиреніемъ и мудростью этого смиренія принималъ тернія, которыя неизбѣжно встрѣчаются на пу-

ти этого служенія, какъ и внѣшнія трудности жизни, его не щадившія. Онъ отдался работѣ приходскаго священника, но могъ ли онъ при этомъ забыть свою первую любовь, — воспитаніе дѣтства и юношества, конечно, уже на церковныхъ началахъ? И нельзя было не поражаться и не радоваться, видя съ какой преданностью относились къ нему его молодые друзья. То была какая то простая и крѣпкая настоящая дружба. Въ этомъ совершалась та молчаливая и незримая пастырская работа надъ человѣческими сердцами тѣхъ, кто съ такой любящей скорбью отпускали его изъ Ниццы и теперь такъ глубоко и искренно его оплакиваютъ. Въ это время въ собственной духовной жизни почившаго стали преобладать настроенія аскетическія. Онъ посвящалъ преимущественное вниманіе святоотеческой письменности.

Много даровъ у Бога, и Богъ вѣдаетъ пути Свои. Но человѣческій глазъ въ рѣдѣющихъ рядахъ, стараго культурнаго поколѣнія, а въ особенности въ пастырствѣ, — еще не видитъ новыхъ замѣстителей опустѣвшихъ мѣстъ, и по человѣчески становится тоскливо и жутко. Однако не мѣсто этимъ чувствамъ тамъ, гдѣ совершается воля Божія. Сѣется сѣмя въ смерти, возстаетъ въ славѣ, и славимъ и благодаримъ Господа о всемъ!

Кланяясь отшедшему въ вѣчность и творя ему вѣчную память, да будетъ мнѣ дано соединить ее съ памятью о всей той отшедшей эпохѣ, какъ и о тѣхъ друзьяхъ, съ которыми Провидѣніе соединяло почившаго и насъ всѣхъ въ этой жизни, и прежде всего тѣхъ школьныхъ его друзей, изъ которыхъ «иныхъ уже нѣтъ, а тѣ далече», съ памятью о великой русской религіозной культурѣ.

«Если пшеничное зерно не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ плодъ свой». Слава, и вѣчная память всѣмъ отшедшимъ и нынѣ почившему брату нашему!

Прот. С. Булгаковъ.

ПРИДИТЕ, ПОСЛѢДНЕЕ ЦѢЛОВАНІЕ ДАДИМЪ, БРАТІЕ, УМЕРШЕМУ

«...онъ думалъ, что его можно забыть!»
(изъ частнаго письма объ отцѣ Александрѣ).

Вечеръ 3 января, посвященный памяти о. Александра, принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ часамъ жизни, о которыхъ можно сказать, что они созидаютъ душу. Это была явленная любовь: любовь къ нему, какъ къ пастырю, другу, сотруднику; любовь, выраженная въ молитвѣ, въ воспоминаніяхъ; любовь, скорбѣвшая о томъ, что его съ нами больше нѣтъ и радовавшаяся, что намъ дано было имѣть его своимъ близкимъ, своимъ другомъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на эту призывную любовь прозвучали слова самого о. Александра, отрывки его писемъ и поученій, которые намъ были прочитаны. Ясно было всѣмъ, что этотъ вечеръ не простое воспоминаніе—воспроизведеніе въ умѣ и воображеніи того, что было и чего уже нѣтъ. Память есть жизнь — жизнь съ тѣмъ, кого любишь и о комъ помнишь; подлинная память — вѣчная память — есть касаніе иного міра, гдѣ праведники сіяютъ какъ свѣтила и откуда бѣжитъ всякая печаль и воздыханіе; и въ этотъ вечеръ подлинной вѣчной памяти о почившемъ мы дышали инымъ воздухомъ и волновались иными мыслями, чувствуя около себя дыханіе вѣчности и бли-

зость человѣка, который и въ жизни и въ словахъ умѣлъ соединять любовь къ міру съ неутолимой жаждой Бога.

Для тѣхъ, кто былъ къ нему близокъ и не успѣлъ проститься съ нимъ — это былъ часъ послѣдняго свиданія. Все, что мы здѣсь слышали, было такъ подлинно, такъ глубоко и просто, что въ словахъ этихъ свѣтился образъ самого о. Александра; онъ стоялъ передъ нами — живой среди живыхъ; онъ бесѣдовалъ съ нами, но уже не человѣческимъ словомъ, а своимъ примѣромъ, своимъ подвигомъ, своей смертью — всей своей жизнью воплотившій то, чему онъ училъ и къ чему насъ звалъ.

Въ тотъ вечеръ мы были въ его домѣ, и съ нами молились и думали о немъ тѣ, кто всегда съ нимъ, потому что носятъ его образъ въ своей душѣ — его дѣти, его жена.

Друзья отца Александра знаютъ, что его нельзя было представить себѣ внѣ его семьи. Связь съ семьей была для него чѣмъ то неизмѣримо болѣе глубокимъ, чѣмъ долгъ и нѣжность отца и мужа. Здѣсь было полное единство жизни, отданность до конца, явленная тайна «малой Церкви», въ которой больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на землѣ осуществляется заповѣдь Господня: «какъ Ты, Отче во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино».

Любовь проницательна и зорка; поэтому въ предшествующихъ статьяхъ объ о. Александрѣ сказано такъ много, что трудно добавить что-либо къ его характеристикѣ. Тѣмъ не менѣе, хочется вплести въ этотъ вѣнокъ и свой цвѣтокъ, какъ бы малъ онъ ни былъ...

Въ людяхъ высокой духовности всегда поражаетъ ихъ непосредственность и простота. Когда ожидаешь необыкновенныхъ словъ и неземныхъ откровеній, уходишь смущеннымъ, почти разочарованнымъ: такъ обыденна, такъ проста ихъ бесѣда. И только потомъ понимаешь ея тайну: когда вспоминаешь, какъ легко и радостно было на душѣ, какой свободной и спокойной казалась жизнь въ общеніи съ человѣкомъ, близкимъ къ Богу.

Таковъ былъ отецъ Александръ. Онъ жилъ съ нами — нашей жизнью; его интересовали и философія и искусство; онъ участвовалъ въ нашихъ обществахъ и кружкахъ; у него было много друзей и знакомыхъ. Въ этой жизни онъ не былъ гостемъ; онъ былъ нашъ, онъ принадлежалъ нашей эпохѣ, нашей культурѣ, нашему кругу людей и интересовъ. Поэтому такъ живо и такъ просто можно было бесѣдовать съ нимъ о всѣхъ вопросахъ современности. Но все, что онъ говорилъ, было освѣщено какимъ то однимъ внутреннимъ смысломъ, было связано одной идеей и чувствовалось, что многообразіе жизни, которое онъ любилъ какъ дитя, есть для него подлинная и живая риза Божества.

Отсюда та сосредоточенность, та внутренняя строгость, которыми дышали его слова. У него не было предвзятыхъ точекъ зрѣнія, онъ легко вживался въ любую мысль; но душа его стояла на камнѣ и это придавало его бесѣдѣ исключительную цѣнность: онъ могъ говорить обо всемъ — всегда говоря о томъ же; шелъ вмѣстѣ съ собесѣдникомъ какъ другъ и невольно велъ его какъ учитель.

Этотъ даръ его для насъ не потерянъ. Книга его записей есть та же бесѣда съ нимъ; ее поэтому нельзя читать, какъ мы обычно читаемъ книги: не размышляя надъ каждой строчкой, пропуская то, что не отвѣчаетъ нашимъ интересамъ.

Отецъ Александръ не писалъ книги; онъ для себя набрасывалъ на бумагѣ свои мысли, впечатлѣнія, вопрошанія. Онъ ихъ не предназначалъ для печати: мы имѣемъ «Записи отца Александра» благодаря тому, что его жена подѣлилась съ нами тѣмъ, что могло въ его дневникахъ и письмахъ имѣть общій для всѣхъ интересъ.

Эти строки — часть жизни о. Александра, грани его духовныхъ достиженій. Цѣлью его исканій и основнымъ интересомъ его была аскетика — эта «наука наукъ и искусство искусствъ» въ созиданіи и возращеніи души чело-

вѣка, потому и книга его является безцѣннымъ пособіемъ для пониманія сущности «внутренняго дѣланія». Книга о. Александра въ какомъ то смыслѣ должно быть положена подъ иконы, должна быть помощью въ духовной жизни, спутницей молитвы и покаянія.

Ея вдохновеніе изъ того же источника, что мудрость великихъ учителей христіанской аскезы. Но она написана на языкѣ современныхъ понятій, касается разнообразныхъ явленій нашей жизни и даетъ намъ ощутить покой пустыни среди суеты нашихъ будней.

Принявъ книгу о. Александра въ наше сердце, мы будемъ продолжать бесѣдовать съ нимъ; болѣе того, слѣдуя его совѣтамъ, будемъ продолжать его дѣло. И пусть эта близость непрестанно возгрѣваетъ нашу молитвенную память о немъ. Онъ самъ какъ то сказалъ мнѣ, что есть такое преданіе: тотъ, о комъ особенно горячо молишься — первымъ встрѣтитъ тебя въ Царствіи Небесномъ. Такъ да встрѣтимъ мы въ небесныхъ обителяхъ нашего дорогого пастыря, учителя и друга.

Хочется закончить эту замѣтку словами о. Александра, сказанными имъ о другомъ человѣкѣ, но болѣе всего приложимыми къ нему самому: «есть люди чудеснаго райскаго типа, съ душой до грѣхопаденія, дѣтски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы». Благодареніе Богу, посылающему намъ такихъ людей въ наше смутное, мятущееся время.

Л. Зандеръ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, ПИСАННЫХЪ ПОСЛѢ СМЕРТИ О. АЛЕКСАНДРА.

«Съ теченіемъ времени больше и больше отдаешь себѣ отчетъ, чѣмъ былъ для насъ отецъ Александръ и какъ безъ него измѣнилась, опустѣла вся личная жизнь. Никого я такъ не любилъ, какъ отца Александра и не знаю человѣка лучше его. Все, что о немъ говорятъ и пишутъ, мнѣ кажется недостаточнымъ. Да и нельзя выразить словами все; многое можно только чувствовать.

Утѣшеніе можно найти только въ томъ, чтобы всѣми поступками, всѣми мыслями, всею жизнью идти тѣмъ путемъ, который указалъ отецъ Александръ и считать за особую Милость Божью, что привелось узнать его, быть его духовными дѣтьми и полюбить его всей душой.»

«Отецъ Александръ былъ для насъ поддержкой, опорой, утѣшеніемъ во всѣхъ случаяхъ жизни и теперь мы утѣшаемся его же завѣтами. Мнѣ хочется привести кусочекъ его письма, написаннаго намъ въ трудные для насъ дни. Оно поддержало насъ тогда и теперь все время его перечитываемъ: «Нѣтъ другого утѣшенія, какъ разсматривать наши несчастія на фонѣ того міра, это и по существу единственная точка зрѣнія вѣрная. Если есть только этотъ міръ, то все въ немъ сплошь безсмыслица: разлука,

болѣзни, страданія невинныхъ, смерть. Все это ссмысливается въ свѣтѣ того океана жизни невидимой, омывающей маленькій островокъ нашей земной жизни» — и дальше — «мнѣ такъ горько думать, что испытаніе, посылаемое Богомъ, вы переносите не по настоящему, не находите въ себѣ силы согласиться на него и этимъ сдѣлать огромный шагъ впередъ въ вашей духовной жизни». Наше общее горе сейчасъ очень тяжело, но оно становится прямо нестерпимо, если не проникнуться всѣмъ этимъ.»

«Какъ ни тяжела, ни непереносима скорбь о немъ — она переходитъ временами въ какое то почти радостное чувство — слишкомъ онъ былъ хорошъ и земная скорбь о немъ просвѣтляется вѣрой въ блаженство его ангельски чистой души. И эта радость — можетъ быть и есть то утѣшеніе, которое онъ же намъ посылаетъ и теперь, какъ и раньше утѣшалъ насъ при жизни.

Я всегда любилъ безконечно отца Александра, но никогда не отдавалъ себѣ отчета въ силѣ и пламенности этой любви и, только лишившись его, — вижу чего я лишенъ. Это самая тяжкая для меня потеря. Не удивляйтесь этимъ словамъ, отъ человѣка, не долго его знавшаго — достаточно было приближенія къ нему, особенно такого, какое дается въ исповѣди, чтобы на всю жизнь отдать ему свое сердце.»

«Послѣдніе года два мысль о смерти, о ея неизбѣжности и неизвѣстности того, что насъ тамъ ожидаетъ, была для меня настоящимъ гнетомъ, наполняя животнымъ ужасомъ. Главное это, конечно, былъ страхъ передъ ничего — результатъ (самъ знаю) моей духовной скудости и невѣрія. Теперь же, что тамъ отецъ Александръ,

мнѣ совершенно ясно, что тамъ есть *жизнь*, что отецъ Александръ живетъ, это я чувствую очень реально, и иначе и быть не можетъ. И мое отношеніе къ смерти съ его смертью рѣзко перемѣнилось.»

«Его смерть страшное горе многихъ, у которыхъ ушла живая часть души, чьи жизни были въ его рукахъ... Къ кому теперь итти? Кто сможетъ, какъ онъ, проводить въ тотъ міръ, снявъ тяжесть грѣха съ души!

Для насъ онъ былъ олицетвореніемъ Божіей правды на землѣ. Лучше, яснѣе, проще и мудрѣе я никого не зналъ. Въ общеніи съ нимъ открывался самый короткій путь къ Богу. Часто шелъ на исповѣдь въ состояніи равнодушія, отупѣнія, не находя ни грѣха въ душѣ, ни раскаянія, а онъ двумя тремя словами, однимъ своимъ кроткимъ, смиреннымъ и благостнымъ видомъ вызывалъ острое чувство покаянія. Какъ часто одна мысль, что придется передъ нимъ каяться останавливала отъ грѣха».

«Смерть его тяжелѣе чѣмъ все, что могло бы случиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое чувство, что именно скорбь въ его смерти неумѣстна. Не радоваться ли скорѣе надо намъ что наше дорогое сокровище — передъ Господомъ и что въ блаженствѣ его ангельски чистая душа.

Намъ остается просить помощи теперь у него, какъ мы ее просили здѣсь; у него своими страданіями очистившаго и безъ того чистую свою душу.»

«Онъ по настоящему причащался страстей Христовыхъ черезъ изнеможеніе и боль и непонятную Божію волю.

Оттого великое страданіе и послано было ему, что онъ имѣлъ великую любовь къ Богу. И христіанскому сердцу открывается въ этихъ страданіяхъ его неисповѣдимое и великое — любовь Божія къ избранному.»

«Странно подумать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы могли огорчаться отъѣздомъ отца Александра изъ Ниццы какъ непоправимымъ несчастьемъ, когда насъ ждало настоящее горе. Сейчасъ мы совсѣмъ осиротѣли, и только думая объ отцѣ Александрѣ, мы какъ то получаемъ частицу его вѣры, его отношенія къ смерти — и этимъ утѣшаемся.»

«Память объ отцѣ Александрѣ будетъ жить во мнѣ вѣчно, какъ о самомъ чистомъ и свѣтломъ, что пришлось встрѣтить въ жизни. Постараюсь не только помнить всѣ его слова, но и исполнять всѣ его совѣты, наставленія и жить такъ, какъ онъ училъ и его образъ для меня во всей жизни будетъ моей «совѣстью» и путеводнымъ огнемъ.»

«Эта страшная болѣзнь и трагическая смерть отца Александра какъ то всѣхъ соединили — никогда въ Ниццѣ ни одно чувство не объединяло такъ в с ѣ х ъ.

Трогательно и знаменательно было видѣть, какъ всѣ присутствующіе на панихидѣ въ Соборѣ всю панихиду простояли на колѣняхъ и горе всѣхъ было неописуемо. Эта всеобщая любовь къ нему и есть то доброе сѣмя, которое онъ сумѣлъ посѣять въ сердцахъ обычно черствыхъ.

Ницца безъ отца Александра опустѣла. Его домъ — сочетаніе семейнаго тепла и уюта и высоты интересовъ, былъ единственнымъ въ своемъ родѣ центромъ и когда этого больше нѣтъ, чувствуешь, какъ много все это давало, и какая сиротливость безъ этого. Стараюсь не ходить въ ту часть города и не смотрѣть на горку, куда всегда такъ влекло раньше.»

«Съ величайшимъ вниманіемъ и волненіемъ прочиталъ «Записи отца Александра», для того чтобы еще и еще ихъ перечитывать.

Это такая книга, которую можно читать, какъ святоотеческія творенія: каждый день по страницѣ. Скажу даже иначе: святоотеческихъ твореній у меня не хватитъ силы и интереса такъ читать, а записи отца Александра готовъ съ радостью и читать, и учить, и размышлять надъ ними, и это оттого, что отецъ Александръ сочеталъ вѣчное Церкви со всею полнотой вопрошаній и болѣзней современной души.»

«...Мы всѣ въ долгу передъ отцомъ Александромъ — мы все-таки цѣнили его много ниже того, чѣмъ онъ былъ. Такъ узки шаблоны привычной оцѣнки человѣка, котораго привыкаешь постоянно видѣть и такъ рабски всѣ принимаютъ ихъ, что только большія потрясенія иногда освобождаютъ насъ отъ ихъ власти. Оттого и бываетъ такъ, что человѣка начинаютъ видѣть въ его истинномъ свѣтѣ только тогда, когда теряютъ его. Такъ произошло и теперь.

Я лично увѣровалъ въ громадную душевную высоту отца Александра даже еще его не видѣвши — со словъ и описаній***. Первая же личная встрѣча еще больше утвер-

дила эту мою вѣру, и съ тѣхъ поръ я сохранилъ ее навсегда.

Въ пониманіи же его умомъ я дѣлалъ всегда ошибку. Я упрекалъ его въ слабости, въ чрезмѣрной уступчивости, въ уклоненіи отъ прямыхъ, жесткихъ рѣшеній. И только иногда, а теперь въ полной мѣрѣ вижу я, какъ все это было несправедливо и житейски-низменно. Громадное сердце, опасавшееся причинить боль кому бы то ни было, хоть въ незначительной степени, — мы принимали какъ слабость, отсутствіе характера.

Что онъ не былъ слабъ — показалъ онъ въ томъ какъ онъ перенесъ свои страданія.

Вѣдь умеръ онъ по годамъ не такимъ уже молодымъ (53 лѣтъ), но я не могу отрѣшиться отъ чувства, что онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ молодъ, — не перешедшій еще юности, соединяя ее съ высшей мудростью. И вѣдь такъ это и есть! Развѣ былъ въ его душѣ хоть малѣйшій признакъ старости? Онъ не только остался такимъ, какъ я его помню 20 лѣтъ назадъ, но дѣлался какъ будто еще моложе и моложе душой. Да даже физически!. Развѣ можно было сказать, что это человѣкъ, переступившій за 50 лѣтъ тяжелой трудовой жизни, всегда переполненной непосильной работой, всегда неоцѣненной и почти незамѣчаемой другими, и въ то же время ни на минуту не отвлекающей его отъ постояннаго внутренняго духовнаго горѣнія.

Многое, многое начинаешь видѣть и понимать болѣе ясно, когда исчезло стѣсненіе думать и говорить все, какъ чувствуешь...»

«Только что окончилъ первое предварительное знакомство съ матеріалами книги о. Александра и нахожусь подъ чрезвычайно сильнымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго: какъ будто кто-то принесъ въ мою душу благоуханіе полевыхъ евангельскихъ цвѣтовъ или сткляницу мvра...

Такъ прекрасенъ духовный образъ отца Александра, такъ глубоко его смиреніе, такъ подлинна (и потому назидательна) его религіозная жизнь... поистинѣ этотъ, букетъ «криновъ сельныхъ», эти перлы его духовной жизни будутъ дороже многихъ цвѣтоводствъ словесныхъ.»

«Ужасна была бы наша оставленность среди страшной силы зла, такимъ тѣснымъ кольцомъ насъ всѣхъ сжимающимъ, если бы передъ нами не лежалъ облегченный и расчищенный его земнымъ усиліемъ путь. И Божій свѣтъ, бывшій въ немъ, всѣмъ намъ посвѣтившій въ кротости его, въ смиреніи, во внимательной чуткой обращенности всѣмъ существомъ къ бѣдѣ каждаго, въ глубинѣ и мудрости словъ, часто совсѣмъ вскользъ сказанныхъ (съ поясненіемъ сейчасъ же, что такое то событіе или тотъ то источникъ навели его на эту мысль, во всемъ всегда снимая съ себя всякую личную заслугу), все это обращено къ намъ и теперь, возвращается къ намъ въ сказанномъ имъ, въ отмѣченномъ въ книгахъ, надъ которыми онъ думалъ, созрѣвалъ духовно, молился — все это свѣтлыя вѣхи для насъ. Все, что нашими слабыми силами намъ не преодолѣть и не постигнуть, дается намъ въ руки сокровищемъ, собраннымъ усиліемъ исключительной души, освѣщенное его любовью.

И книга его «Записей» имѣетъ для насъ смыслъ только если воплощать ее дальше въ жизнь и въ этомъ будетъ наша реальная связь съ живымъ его духомъ.»

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 19 DÉCEMBRE 1977
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE

N° 6211